

АНТОН БЕЛЕВИЧ
У БАТЬКИ МИНАЯ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

АНТОН БЕЛЕВИЧ

У БАТЬКИ МИНАЯ

**Авторизованный перевод с белорусского
Вл. Жиженко**

Москва · Издательство политической литературы · 1978

Белевич А. П.

Б43 У батьки Миная. Авториз. пер. с белорус. М., Политиздат, 1978.

103 с. с ил. (Герои Советской Родины).

Книга посвящена Минаю Филипповичу Шмыреву — прославленному командиру партизанской бригады. В годы войны автор по заданию редакции газеты «Савецкая Беларусь» побывал в оккупированных районах Белоруссии и в партизанской бригаде М. Ф. Шмырева — батьки Миная.

О встречах с партизанами, об их борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и рассказано в книге недавно скончавшегося белорусского поэта Антона Белевича.

Она рассчитана на широкий круг читателей.

Б 10604—279 216—78
079(02)—78

9(С)277

© ПОЛИТИЗДАТ, 1978 г.

Флаг над аркой

Когда по дороге из Суража на Усвяты подъезжаешь к деревне Заполье, справа открывается большая поляна, словно предназначенная для массовых народных торжеств. Здесь 3 июля 1977 года в присутствии тысяч людей и состоялось открытие нового мемориала. Два взметнувшихся ввысь штыка как бы символизируют арку, за ней установлена монументальная плита со строгой надписью: «В память о беспримерном подвиге воинов Советской Армии и партизан, удерживавших с зимы 1941 по сентябрь 1942 года разрыв линии фронта между Велижем и Усвятами — Витебские (Суражские) ворота, через которые осуществлялась связь партизан и подпольщиков с Большой землей».

В этих местах мне довелось побывать во время Великой Отечественной войны, но тогда здесь все выглядело по-другому. Пытаюсь припомнить, где находилась та скромная деревянная арка, которую я увидел в начале лета 1942 года, и не могу. А может, в зоне ворот шириною в сорок километров была не одна такая арка? И мысли уносят меня в то суровое время.

Газете «Савецкая Беларусь», которая в годы войны выходила в Москве, нужна была живая постоянная связь с партизанами, с людьми нашего оккупаци-

рованного фашистами края. А как наладить эту связь, как рассказать о героических делах партизан, если огненной стеной встала линия фронта?

В начале войны с Большой земли до партизанских шалашей и землянок в Белоруссии добирались только на самолетах. И когда встал вопрос, кому лететь, всем было ясно: конечно, мне, ведь я был много моложе своих друзей по редакции.

Ну что ж... Лететь-то лететь, но что, если придется прыгать с парашютом где-нибудь над лесной глухоманью? Смогу ли? Ни разу в жизни не раскрывался парашют у меня над головой...

Думы. Тревоги.

А беспокоился я напрасно. В Центральном штабе партизанского движения сказали, что есть на Витебщине ворота, через которые проходят туда, к партизанам, наши связные, машины, повозки с оружием и боеприпасами, с газетами и листовками. Защищают, держат те ворота 4-я ударная армия и партизаны. А главная сила у партизан — 1-я Белорусская партизанская бригада батьки Миная.

И не в самолет, а в выдавший виды грузовик сел я и поехал, минуя города и деревни русские, чтобы встретиться с моим родным краем. От многих тех городов и деревень остались только названия, а сами они лежали в руинах.

Сквозь пыль и гарь пепелищ катила машина — все дальше от Москвы, все ближе к Витебщине. Вот и деревня Великий Бор. И здесь чернеют воронки и еще дымятся головешки. Почти ежедневно над деревней проносятся фашистские самолеты, поливая хаты пулеметным огнем. Разведали, видно, что в Великом Бору находятся Витебский обком партии, редакция газеты, областные советские учреждения...

— А где же ворота, о которых мне говорили? — спрашиваю я.

— Какие ворота? — недоумевает встретивший меня работник обкома.

— Ну, те самые, — говорю, — через которые и туда и обратно можно?

Смотрит на меня мой новый знакомый и улыбается:

— Неужто так скоро назад захотелось?

Я понимаю, что спросил неудачно, и обиженно молчу.

А он, как бы не замечая моей обиды, спокойно говорит:

— Есть такие ворота! Вот пойдешь со мной и увидишь...

Полевая дорога, гать, лесные тропы привели нас в большое село Пудоть. Под высокой аркой — партизанский часовой, рослый парень с автоматом.

— Ваши пропуска! — останавливает нас.

И пока часовой внимательно изучает пропуска, я смотрю на красный флаг над высокой аркой. Трепещет флаг на ветру, искрятся позолотой серп и молот в обрамлении золотых колосьев. А в сердце у меня трепещет радость: вражеский тыл, а тут и райком партии, и райисполком, и другие советские организации. И на страже всего этого — героическая партизанская бригада Миная.

На песчаном пригорке в окружении берез и лип стояла простая крестьянская хата, которую партизаны называли штаб-квартирой батеньки Миная. Над этой хатой тоже красный государственный стяг.

Здесь, в штаб-квартире, я впервые увидел и самого Миная Филипповича Шмырева. Очень похож на нашего народного поэта Якуба Коласа, подумал я.

Такой же спокойный, уравновешенный, рассудительный, такая же добрая, широкая улыбка в его мудрых глазах, такие же мягкие, сердечные интонации в голосе. Каким-то очень уж мирным с виду для тех суровых дней показался мне батька Минай. Шел я к нему и думал, что увижу исполина, а передо мной обыкновенный человек, тихий такой крестьянин. Беседую с ним, присматриваюсь, и первое впечатление мало-помалу стирается, тает. Стоило нам заговорить о горькой доле народа в оккупации, о кровавых преступлениях фашистов, как в добрых глазах Минай полыхнули молнии гнева. Молча набил табакотрубку, щелкнул зажигалкой, закурил; в трубке затрещало, потянулись облачка дыма. А он, седовласый, мрачной тучей стоял в своей черной кожанке: коренастый, широкоплечий, могучий. Нет, не тихий, не кроткий человек был передо мной. И вскоре я в этом убедился.

Минай Филиппович долго расспрашивал меня о жизни в Москве, интересовался, где Янка Купала, Якуб Колас, как они живут, что едят...

И мне оставалось только удивляться: здесь, во вражеском тылу, человек говорит и чувствует себя совсем как дома. А впрочем, он и был дома. Только что на берегу тихой речки Усвячи видел я закопченное, полуразрушенное кирпичное строение. Еще совсем недавно это была картонная фабрика. Здесь делали картон для книжных переплетов и обувной промышленности. Директором этой фабрики был Минай Филиппович Шмырев — бывший конюх бывшего помещика Родзянки.

Рассказал батька Минай про своего хозяина, на которого гнул спину до самой солдатчины, до империалистической войны. Я подумал было: зачем он

рассказывает? А потом понял. Больше всего его беспокоило, что с приходом фашистов могут вернуться на нашу землю те проклятые давнишние порядки, когда хозяйничал здесь Родзянко. Жестокоего нрава был пан. И в самой Пудоти, и повсюду окрест называли его «волчьим батькой». И не зря так называли. Был он вроде вожака волчьей стаи. Принадлежавшее ему глухое лесное урочище Родзянко сделал чем-то вроде заказника: крестьянам запрещалось не только собирать здесь грибы-ягоды, но даже появляться. Зато вольготно жилось в лесу медведям, волкам, диким кабанам. Ну и развелось же их! Разоряли медведи ульи на пасеках, резали волки лошадей, коров, овец у крестьян, стада кабанов уничтожали картофельные и свекловичные поля.

Придет, бывало, крестьянин-бедняк к Родзянке, снимет шапку, жалуется:

— Горе у меня, милостивый пан: ваши волки мою корову зарезали.

— Неужто?! — издевательски удивляется «волчий батька». — А разве у тебя была корова? Что ж, продай лапти — купи другую.

Не мог спокойно видеть панский конюх Минай, как, сторбившись, уходил бедолага из имения. А на смену ему — бородатый пасечник, кланяется в ноги Родзянке:

— Смилуйся, ясновельможный пан. Все мои ульи ваши медведи распотрошили, а то и утащили куда-то.

— А ты уверен, что это мои медведи? Ты у них паспорта проверял? — хохочет Родзянко. — У моих паспорта есть, они в моем лесу прописаны...

Затем батька Минай заговорил о двуногом зверье, что топчет, ранит нашу землю, уничтожает советских людей.

— Ну, у этих-то прописка временная. До поры, как говорится, жбан воду носит...

Тем временем в штаб-квартиру вошли два фронтовых разведчика 4-й ударной армии, 4-я ударная и 1-я Белорусская партизанские бригады сообщают удерживали ворота. Через эти ворота минаевцы переправляли фронт коров, лошадей, свиней, овец, везли сено, картошку, зерно. Все это партизаны брали у оккупантов в боях, не давая вывозить в Германию.

Получив у штабников нужные сведения, разведчики ушли. Штаб-квартира стала наполняться командирами, комиссарами, начальниками штабов партизанских отрядов. Предстояло обсудить план нападения на один из вражеских гарнизонов.

А я пошел в отведенную мне хату и при свете коптилки стал писать свой первый отчет в газету. Название пришло само: «У батьки Миная».

У Миная-батьки много леса,
И поля, луга — его отчина.
Хата небом крыта. С неба месяц
Серебро дрожащее раскинул.
А сынов, а дочек у Миная,
Почитай, как звезд погожей ночью,—
Враг от страха так и замирает,
Дрожь так и колотит свору волчью.
Вот Минай свою скликает силу —
Умолкает, слушает дубрава.
— Не дадим в обиду край наш милый!
Защитим и честь его, и славу!
— Не дадим! — взметнулись руки дружно,
— Защитим! — разносит эхо гулко.
— Только крепко помнить, хлопцы, нужно:
В тяжкий бой идем, не на прогулку.
Ранен враг, но он еще не сломлен,
Так что цельтесь прямо в сердце кату...
— Слышим, батька! Наше тебе слово:
Не уйти бандитам от расплаты!
Ночь... Туман... Далекий взрыв гранаты...

«Свадьба»

Чуть свет запрягли хлопцы в легкую фасонистую бричку коня для своего комбрига. Он собрался ехать по отрядам. Поехал и я с Минаем Филипповичем.

Еще не взошло солнце, как мы уже были в первом отряде бригады. Стоял отряд на весьма ответственном участке: неподалеку был Сураж, а там большой, хорошо вооруженный фашистский гарнизон.

Переговорив с командиром, Минай Филиппович поехал дальше. «К Гурко»,— сказал он. А я остался в первом партизанском отряде.

Было свежее, искристое утро. Таким же бодрым, как это молодое утро, был и командир отряда Георгий Курмелев. Молодой, веселый, розовощекий. Воспитывался и рос он в детском доме, который привил юноше любовь к людям, к родной земле. Как я позже убедился, Курмелев был общителен, быстро и легко завязывал дружбу с хорошими людьми. Даже в самую трудную, горькую годину готов был поделиться с друзьями-товарищами живым огоньком своего сердца, открыть свою душу. В хате, где он жил, всегда было много парней и девочек, много полевых цветов. Собирать цветы любил он сам, приносили и девочки-партизанки. Не раз замечал я, что даже духами от него легонько пахло. «Не донжуанчик ли

местного масштаба? — подумал я. — Не ошибся ли батяка Минай, назначив его командиром отряда?..» И еще больше поразил он меня в то утро.

— Бери-ка эту посудину, — протянул он мне глиняный горлачик.

Гляжу на него и думаю: «На кой мне сдалась эта посудина. Что он придумал?» Смотрю, и сам он берет крынку.

— Любишь землянику? — спрашивает. — Тогда пошли. Самая первая на угреве поспела.

Вот уж этого я от него не ожидал. За речушкой рукой подать — немцы, а ему, видите ли, земляники захотелось!

Однако пошли мы по землянику. Собираем на полянке в березничке, а вражеские пули тенькают, цокают по белым стволам.

— Давай-ка отсюда, — говорит. — Здесь простреливается.

Сам вижу, что простреливается. И зло меня берет: «Никак храбрость свою хочет показать, отчаянная голова!» Я коленями мну свежую молодую траву, выпрямиться, разогнуть спину боюсь, а он идет в полный рост, ветерок волосы шевелит на его голове. Орел! И я начинаю проникаться к нему уважением. «Отважный, обстрелянный воин! — уже думаю о нем. — Этот не вильнет в кусты, не оставит в беде».

И мне становится веселее от этих мыслей. Отвага Курмелева делает и меня смелее.

Из-за густых кустов лещины доносились голоса, какой-то стук, грохот моторов. Из кустов вышел часовой.

— Стой! Пропуск! — требовательно произнес он, но, увидев своего командира, миролюбиво забросил винтовку за плечо.

То, что открылось моим глазам за кустами, не могло не радовать. На поляне стояли танк, грузовик, пушка, пулеметы. У шалаша — ящики с патронами, снарядами, гранатами. «Ого, как оснащен этот Георгий Курмелев! — восхищенно подумал я. — Сила! Вот почему такая уверенность у молодого командира».

Направляясь в бригаду батьки Миная, я думал, увижу группки людей в укрытиях среди кустарников и болот, а тут, оказывается, настоящая армия за линией фронта! Уже там, в штаб-квартире Миная Филипповича в Пудоти, я понял, сколь наивны были мои представления о партизанах Отечественной войны. В боевом штабе бригады — телефонисты и радисты. Штаб связан телефонами со всеми отрядами. В любое время можно снестись по радио с Москвой, с Центральным штабом партизанского движения. Здесь же больница, амбулатория, аптека. В помещении бывшей картонной фабрики мастерская по ремонту оружия. В своей пекарне партизаны выпекают хлеб, в своих мастерских шьют одежду, обувь, выделывают овчины, кожу. Все это отправляется в отряды, в ближние и дальние деревни, в села и поселки — населению, людям, помогающим бить врага. Партизаны крепко связаны с окрестным населением, с советскими людьми, которые сеют, косят, жнут — поддерживают боевую армию лесных солдат партизанской зоны на Витебщине...

Георгий Курмелев познакомил меня со своими хлопцами — боевыми друзьями, которых связала, спаяла одна нелегкая военная доля.

— Доброе утро, командир! — послышалось из орешника.

На поляну вышел парень с гармошкой.

— Здравствуй. С вечеринки?

— С вечеринки,— отвечает гармонист.

— Сыграем «свадьбу»?

— Сыграем! Сегодня же ночью сыграем, товарищ командир!

Курмелев отвел в сторону гармониста, о чем-то расспрашивает, а тот достает из кармана лист бумаги, что-то показывает на нем, что-то говорит. «Странные порядки тут у них,— думаю я.— Нашли время свадьбы играть, жениться. И куда только батька Миняй смотрит? Как позволяет такое?»

Мыслей этих я вслух не высказал, но хитрец Курмелев понял мой недоуменный и осуждающий взгляд, озорно подмигнул мне и решительно сказал:

— Что ж, сыграем «свадьбу»! «Невеста» сосватана!..

Находившись за день по лесу, наговорившись с людьми, мы с командиром ужинали — с аппетитом ели бульбу, огурцы, черпали ложками землянику с молоком, ту самую, что собрали утром. Потом я прилег в хате отдохнуть и уже сквозь дрему слышал, как Георгий Курмелев по телефону приглашал на «свадьбу» батьку Миняя с начальником штаба Захаровым...

Около полуночи разбудили меня далекие раскаты орудийных разрывов. Выскочил из хаты, хотел выбежать на дорогу, но девушка с винтовкой дала мне, как говорится, от ворот поворот:

— Не приказано!

— Что такое? Кто стреляет? Где Курмелев? — спрашиваю.

— Курмелев на «свадьбе», — отвечает партизанка. — Слышите «музыку»?

Лишь теперь я понял, что это за «свадьба»... И до самого рассвета слушал эту «музыку».

Уже при свете дня возвращались на свою базу партизаны Курмелева. Запыленные, усталые, они были веселы и оживленны — радовала, окрыляла хлопцев победа над врагом. Тот же гармонист-разведчик растянул меха своей гармонии. На росистой мураве, на влажном песке дороги глухо затопотали сапогами, ботинками хлопцы и девчата.

— Расскажите про «свадьбу», — прошу гармониста-разведчика.

— Хитро, толково было все придумано, — говорит молодой партизан. — План разработал сам батяка Минай. По его сценарию и сыграли «свадьбу».

Говорит, а в глазах у него светится глубокая, граничащая с умилением любовь к комбригу. Он не поведет боевых товарищей на рожон, в пекло. Он им поистине добрый, заботливый, сердечный отец, батяка. Все они для него как родные дети. А детей разве дашь в обиду, разве не оградишь от беды? И, чтобы отвести от них беду, чтобы не пришлось им лезть напролом на вражьи пушки и пулеметы, батяка Минай и сочинил тот сценарий, по которому сыграли «свадьбу».

Забылось название деревни, где в ту ночь партизаны громили вражеский гарнизон, ничего не подсказали мне и архивные документы, но картина, нарисованная гармонистом-разведчиком, живет в памяти.

...В деревню, где расположился вражеский гарнизон, на двух бричках едут молодые парни и девчата — в церковь. Все празднично одеты. У хлопцев на пиджаках банты — красные, белые, девчата с букетами цветов в руках. На голове у «невесты» — первой красавицы партизанского отряда — венок, в косах ленты. В подвенечном платье сидит она рядом с «женихом» — веселым кудрявым парнем.

Звенят-заливаются колокольчики под расписными дугами. Играют гармошки. Гремит бубен. Весело, с песнями влетает «свадьба» в деревню. А наперерез — фашистские часовые:

— Стой! Кто такие? Пропуск!

На свою «невесту» показывает «жених»:

— Вот наш пропуск! В церковь к попу едем. Венчаться.

Из хат высыпала местная молодежь.

— Выкуп давай, «молодой»! Не пропустим в церковь!

— Оплачивай проезд, «молодой»!

— Даю, даю выкуп, добрые люди! — «Жених» достаёт из-под сена бочонок крепкой браги-медовухи, наливает в кружки: — Пейте, добрые люди!

И часовым наливает:

— Пейте, паны солдаты!..

И брагу, и самогон за здоровье «молодых» пили прямо на дороге. Свадьба! Давно тут не видали такого дива! Но вот «свадебный поезд» подъехал к церкви. «Жених» с «невестой» идут под венец. Интересно всем. И немцы зашли в церковь. А приезжие хлопцы за местными девчатами начинают ухаживать. Девчата не жеманятся, в хаты приглашают — знают, что это партизанские разведчики. Все вывелили хлопцы: и где пушка стоит, и где пулеметы установлены, и в каких хатах фашистские офицеры живут. Нашлись среди жителей и такие смельчаки, которые спрятали у себя двух вооруженных партизан.

Торжественно, с музыкой покидала «свадьба» деревню. Над хатами плыла песня:

Бывайте здоровы,
Живите богато,

А мы уезжаем
До дому, до хаты..
Дорогу мы знаем,
И вот наше слово:
Мы в гости к вам скоро
Пожалуем снова.

Так закончилась первая часть «свадебного обряда» по сценарию батьки Миная. А ночью, темной летней ночью отряд Курмелева двинулся на врага. Схватка была короткой. Сигнальными фонариками указывали цели своим боевым товарищам те двое партизан, что остались в деревне.

Мне стало не по себе. Подумать только, проспал боевую операцию!.. Какая досада, что не довелось своими глазами все увидеть. Этими мыслями я и поделился с Георгием Курмелевым.

— Не расстраивайся. Был приказ комбрига в бой тебя не брать.— И, наматывая на кулак ремешок полевого бинокля, добавил: — Пошли!

Луговая тропинка юркнула в кусты, а затем вывела нас в поле, к высокому кургану. Молча поднялись мы на него по крутому зеленому склону. Курмелев долго смотрел в бинокль за речку — туда, где ночью партизанские пушки, пулеметы перемололи, перекосили гитлеровцев. Видел и я в бинокль следы боевой работы героического партизанского отряда. Вспомнилось, что батька Минай особо уважает артиллерию, знает ей цену. Вдруг откуда-то долетела, вжикнула над курганом пуля. И у меня сразу пропала охота стоять на этом лобастом, высоком кургане... А Георгий Курмелев, не отрываясь от бинокля, все вглядывался в полевую даль. И был он под стать разгоравшемуся утру — веселый, окрыленный.

Кузница в лесу

От Георгия Курмелева мой путь лежал в отряд Райцева. Я еще не побывал у Данилы Райцева, а уже многое знал и о его отряде, и о самом командире.

...До войны Данила Федотович был землеустроителем, а проще говоря, землемером. А всех землемеров я почему-то представлял себе упитанными, грузными людьми. Таким ожидал увидеть и Данилу Райцева. Но довелось услышать о нем еще кое-что.

— Смех да и только! — рассказывал пожилой рыжебровый партизан. — Было это в первую военную зиму. Шел Данила в Витебск в разведку. А в поле снег глубокий, выше колена. Устал, проголодался. Дело было вечером. Завернул в деревню, а там немцы. Что делать? Надо бежать. Перемахнул Данила через плетень да через двор в поле. Стреляли по нему, но выручила темнота.

Когда наутро стали рассматривать уже полузанесенные снегом следы, измерили расстояние между ними, решили, что это был не человек, а зверь. На этом дело и кончилось.

Позже Данила Федотович рассказывал, что в тот раз он, командир еще небольшого отряда, ходил на первую встречу, на первую связь с верными людьми в Витебске.

Партизанам стало известно, что в Витебске уже дало себя знать партийное подполье. У Данилы Федотовича было несколько адресов городских коммунистов. Им и нес он наказ своих боевых товарищей. А между тем оккупанты уже пронюхали, что в лесах Суражского района действуют партизаны Райцева. Но напасть на след Райцева не могли. И тогда фашисты схватили заложниками его отца Федота Пахомовича, сестер Зосю и Марылю. Сестер вскоре отпустили, установив за ними слежку, а старика заперли связанным в подвале, допрашивали, угрожали:

— Не скажешь, где сын,— самому капут!

Перехитрил старик карателей. Поклялся, что доставит сына в комендатуру, а сам, выбрав подходящий момент, ушел к партизанам. Оккупанты сожгли его хату...

В Витебске Данила Федотович встретился с женщиной, которую знал до войны. Это была врач Околович. Рассказал, с чем пришел из лесу. Обрадовалась Околович, узнав, что партизаны ей доверяют.

— Сделаю все, что мне поручат,— сказала она.

Так была установлена связь с партийным подпольем.

Продолжая поиски верных людей, партизанский связной встретился с коммунистом Черновым, человеком честным, идейным, с широким кругозором. Чернов хорошо знал цену фашистским сводкам о положении под Москвой, крикливым радиопередачам, твердо верил в нашу победу.

— Данила Федотович, дорогой ты мой! Вот уж порадовал своим приходом, известиями о партизанах,— говорил Чернов.— Живем! Есть еще порох в пороховницах! Вы—из леса, мы—из подвалов, из руин, из подполья будем громить оккупантов!

Чернов обещал направить в партизанский отряд двадцать коммунистов и комсомольцев и сдержал слово. А в самом Витебске подпольщики взорвали фанерную фабрику...

Наладив связи с витебским подпольем, Райцев возвращался к себе в отряд. В одной деревне ему рассказали, что оккупанты сбились с ног в поисках какого-то «чрезвычайно опасного» землемера. Слушал Данила и усмехался.

В Подберезье знакомые люди предостерегли:

— Сотни полторы вооруженных немцев ищут партизан. В каждую хату заходят. Будь осторожен, Данила... Не ровен час...

— А что мне до партизан? — пожимает плечами Райцев, а сам ощупывает в кармане пистолет и спешит покинуть деревню, скорее добраться до леса. Только перешел по льду Двину, как невдалеке на берег выскочили гитлеровские автоматчики. За кем они гонятся? Притаился. Нет, не заметили, видно, Данилу. Прошел «опасный» землемер немного по дороге, что вела из Николаева, а навстречу сотни полторы мотоциклистов. Везут награбленное — свиней, кур, одеяла, кожухи, какое-то тряпье. Прижал мороз фашиста...

— Хальт! — выкрикнул передний мотоциклист и потребовал предъявить документы.

Данила, изобразив из себя этакого простачка, показывает рукой на деревню:

— Я, пан офицер, из этой деревни. Во-он моя хата, третья с краю, — вежливо говорит. — Прошу, пан офицер, в гости. — А сам думает: «Черта лысого ты пойдешь! Тебя от этих кур да свиней за уши не оторвать», — и протягивает табакерку: — Табачок у меня отменный, закуривайте.

— Не трогать! — приказал офицер. — Кар-рош мужичок.

Мотоциклисты газанули, покатали своим путем. На всякий случай Данила направился к хате, на которую показывал. А потом, как говорится, дай бог ноги! Подальше от деревни.

Было около полуночи, когда заметил Данила, что за кустами на болоте мелькнули какие-то тени. Кто это? Попытался укрыться, но и те увидели его.

— Стой! Руки вверх! — раздался окрик, и двое неизвестных направились к нему.

Данила вынул пистолет.

— Не подходи, буду стрелять, — крикнул он.

Оказалось, это свои люди из деревни Плешки. Болотные, лесные птахи.

Они по голосу узнали Данилу.

— Федотович, — предупредили они, — ищут тебя немцы, полицаи. Хорошую цену дают за твою голову.

— Голова мне самому еще нужна, мужики. Я этой головой думаю, как нам врага истребить.

В те дни ласточкой в отряд прилетела весть: немецко-фашистские войска разгромлены под Москвой! Это еще больше окрылило партизан Райцева. На партийном собрании коммунисты отряда решили отметить радостное событие новым ударом по врагу — разгромить в Курине немецкую управу.

Эта дерзкая операция проводилась в последний день января 1942 года, и в ней впервые отличился комсомолец пулеметчик Михаил Сильницкий, который всего полмесяца назад пришел в отряд Райцева.

В том же Курине в начале марта была проведена еще одна операция. Партизаны задумали захватить фашистский склад с продовольствием и фуражом, а также вооруженных полицейских. Когда склад был

уже в руках у партизан, Данила Райцев, выдававший себя за бургомистра, позвонил из управы в полицейский гарнизон и потребовал срочной помощи против партизан. Встречать «подкрепление» вышел Михаил Сильницкий с повязкой на рукаве. Он был за «регулировщика» — указывал прибывшим путь.

— Что слыхать? — спросили те у «регулировщика». — Чего бургомистр трепыхается?

— Бургомистр на своем месте, — отвечал Сильницкий. — Ждет. И немцы у себя. И они ждут. Пошевеливайтесь!

— Немцы, говоришь?

— А то как же. И немцы. И полковник немецкий.

— Погоди, погоди. Не нужен нам полковник. Веди прямо к бургомистру. С ним легче договориться.

— Это можно, — согласился Сильницкий, шагая впереди строя. — Входите, ждет бургомистр. — И распахнул перед ними дверь.

Ввалились полицаи в холодную управу. И лишь когда их обезоружили, поняли они, что оказались в ловушке. Растерялись вконец, заскулили:

— Простите нас, товарищи. Давайте сообща бить оккупантов.

— Что с нами будет? Не расстреливайте нас.

А Данила Райцев говорит:

— Не будем расстреливать. Мы вас всех на сухих осинах перевешаем, если не выполните нашего приказа.

— Выполним! Приказывайте! Что нам делать?

— Много работы, — отвечает Райцев. — Грузите подводы салом, маслом, мукой, крупами, бульбой. Везите все это к линии фронта. Это будет наш подарок 4-й ударной армии, партизанский подарок красноармейцам.

И потянулся длинный обоз через Суражские ворота к фронту. Партизанские автоматчики конвоировали обоз. Командир дивизии горячо благодарил партизан за подарок. Не с пустыми руками возвращались и партизаны в свой лагерь. Везли они тол, мины. Через Суражские ворота партизаны Райцева получали из Москвы центральные газеты и журналы.

Центральный штаб партизанского движения посылал населению оккупированных районов газету «Совецкая Беларусь», листовки. На складе партизанской «Союзпечати» скопилось как-то много антигитлеровских листовок. Чтобы не «старели» эти огромной силы «бомбы» и «снаряды», нужно было как можно скорее передать их в руки тех, для кого они предназначались. И партизаны набивали листовками бутылки и пускали их по Двине: люди вылавливали бутылки и передавали из рук в руки листовки, призывавшие к борьбе с врагом. Оккупанты понимали силу этого «оружия» и расстреливали бутылки из автоматов и пулеметов. А они плыли и плыли по Двине через леса и села, несли людям слово ленинской партии.

От самого батьки Миная услышал я про Данилу Райцева такие слова:

— Много у него в сердце тепла и доброты к людям, много гнева и ненависти к фашистам. Это настоящий человек... Богатырь!..

Повела меня песчаная дорога к человеку-богатырю. Уже в колосьях жита завязалось молочное зерно, уже цвели травы, голубые разливы льна текли, сливаясь с голубым небосклоном. И над полем, и над лугами звенели жаворонки. Люди косили и стоговали сено, окучивали картошку, пололи лен. И все это происходило вроде бы так же, как и в мир-

ную пору. Но неясная тревога жила и в колосьях на поле, и в травах на лугу, и у меня в сердце. Не слышно было песен, веселых, задорных голосов.

Смотришь, косец как косец. В руках у него коса, а рядом — винтовка или автомат. Пройдет прокос и прислушается: где-то далеко за лесом бухают пушки. Не пора ли сменить косу на автомат?

Песчаный проселок привел меня на лесную дорожку, на тропку боровую, устланную желтой хвоей. Вошел я в лес и остановился в изумлении: поют в лесу петухи, мычат коровы, лают собаки... Что за притча? Здесь ведь должен быть партизанский отряд Данилы Райцева. Может, заблудился я?

Иду дальше лесом. Смотрю, над костром котел висит, стоит над ним и помешивает в котле черпаком женщина, а рядом на сосновом суку рубашки, платья висят, сушатся на солнышке. А это еще что за строение в лесу — черное, закопченное? Какая-то избушка без окон и без трубы.

Неизвестно откуда появившийся дюжий усач суровым тоном потребовал у меня пропуск. Он и привел меня к командиру, к Даниле Райцеву.

А, вот ты, значит, какой! Залюбовался я Данилой: высокий, стройный, русоволосый, ясноглазый.

— Это что? Смолокурня? — спросил я, указав на ту избушку.

— Кузница, — отвечает Райцев. — Только она и уцелела в деревне.

Входим в кузницу, и я вижу автоматы, винтовки. На стене карта области висит, на столе стоит телефон...

Молодая симпатичная синеокая девушка держит в левой руке трубку, слушает и что-то записывает в блокнот.

— От батьки Миная? — интересуется Райцев.

— Ага, от батьки Миная, — отвечает девушка. — Сводку Совинформбюро передали. Читайте, Данила Федотович, — со вздохом говорит она, протягивая командиру листок.

Прочитал командир и помрачнел. Невеселые дела на фронтах.

— Да, только эта кузня и уцелела, — вздохнув, продолжал рассказ Данила Федотович. — Полсотни сел, деревень, две тысячи дворов сожгли нелюди в нашем районе. Население хлынуло в лес. Пригнали сюда коров, овец, привели лошадей, принесли все, что успели выхватить из огня, из пожара. А самая большая радость — много наших людей спаслось. Теперь у нас первейшая забота — не дать их в обиду. И не дадим!..

В кузницу заходили разведчики, подрывники — пропотевшие, чумазые, запыленные. Но в их глазах светилась радость, которая идет от гордости за сделанную на совесть работу. А работа у них тогда была одна, самая важная — истреблять оккупантов, ковать победу над врагом. И они в той черной кузнице не лемеха да сошники ковали, а свою победу, свободу свою ковали.

В тот летний день возвратился с боевого задания в партизанский штаб, в ту задымленную кузницу, подрывник. Это был молодой видный хлопец. На голове у него зеленая шляпа с широкими полями, на ногах — хромовые сапоги, подпоясан патронташем, на широкой груди автомат, а через плечо — фотоаппарат.

Весело, шумно ввалился он в кузницу:

— Данила Федотович, гоните шкварку и чарку! А командир смотрит на него сурово.

— Скоморох! — еле сдерживая себя, говорит. — Ты почему вернулся? Почему не дождался вечера? Почему мост не взорвал?

— А кто это доложил вам такое? Взорвал я мост. Выставляйте, говорю, шкварку и чарку!

— Кончай паясничать! Ты же провалил важную операцию!

— Да не провалил я! И свидетель — вот этот аппарат. Надо проявить пленку, Данила Федотович, и вы убедитесь, что я прав. Ждите меня здесь. Я мигом!..

И он выбежал из кузницы.

Командир сидел задумчивый, хмурый, потом усмехнулся:

— Какой-то он шальной у нас, неорганизованный, — усмехнулся Райцев, — расхлябанный. — И, помолчав, добавил: — А люблю его, души в нем не чаю. Смелчак! Если б не ветер в голове... Вот ведь не дождался темноты, прибежал, не взорвал мост. Сви-стун, да и только!..

А «сви-стун» через четверть часа снова шумно ворвался в кузницу.

— Данила Федотович! Смотрите, любуйтесь. Вот вам полная картина! — и протянул командиру еще мокрый снимок.

— Ну, брат ты мой! — обрадовался Райцев. — Картина! Веселая картина, а ты молодчина! Глянь, комиссар! — показал он снимок товарищу Перунову. — Только сваи обгорелые торчат. Как и не бывало моста! — И к подрывнику: — Да как же это ты, братец, ухитрился? Средь бела дня, когда и на мосту, и у моста часовые?

— Не было их на мосту.

— А где ж они были?

— Далековато. Купались, на травке загорали. А потом пообедали, хлебнули, верно, малость шнапсу, разомлели и заснули на лужайке. А чего им было опасаться? Ясный, солнечный день — какой дурень полезет днем мост взрывать! Ну и храпели себе под деревом. Так и уснули вечным сном...

«Это какая же отвага нужна, — думал я, — на какой риск надо пойти, чтобы днем, когда каждый куст, каждая птаха тебя видит, лезть на тот мост?!» Не только Райцев, и я готов был обнять и расцеловать героя. А он спокойно, без всякой рисовки рассказывал, как взорвал мост, да вдобавок еще и поджег его. Говорил, как о чем-то заурядном, привычном, как о будничной работе в поле, по хозяйству. Но было видно, что он делал свое опасное, рискованное дело с душой, с чувством ответственности, потому что, рассказывая, забыл и о шварке, и о чарке, и о том, что не худо бы и отдохнуть после трудной, напряженной работы. Зато не забыл обо всем этом Данила Федотович: была и шварка, и чарка отважному подрывнику. А когда он подкрепился, обнял командир его за плечи и стал на свои нары укладывать:

— Вот тут на сене приляг, полежи.

— Я? На командирской перине? — деланно удивлялся хлопец. — А чего там! И полежу. За мое-мое полежу!

И прилег. Вздремнул чуток и вскочил:

— А где моя гитара, хлопцы?

Подали ему гитару. Тряхнув светлым чубом, он легко прошелся по струнам и, склонившись над гитарой, задумался. Я понимал его состояние. Видно, в его душе еще жила та огромная радость, что окрыляет даже очень усталого человека, если он совершил нечто значительное, нужное людям и если люди зна-

ют цену этому доброму делу. Но как все это высказать, как передать струнам, а через них — сердцам дорогих друзей?

И вдруг гитара заговорила, запела. Откликнулась на голос его души, на песню его сердца. И в той песне без слов было много жгучей тоски и боли, много глубокого раздумья и светлых надежд. В той песне слышались то обращенные к врагу проклятия овдовевших жен, то плач осиротевших детей, то скорбь, которую не выразить словами, то грозная буря народного гнева...

Пела, плакала гитара...

А день уже клонился к вечеру, солнце багровым диском коснулось горизонта и ушло за широкое ржаное поле. На росистой прогалине в лесу партизаны развели костерок, и он живым оком светился в вечернем, притихшем, словно задумавшемся сосоннике. Пришли на огонек Данила Федотович Райцев, комиссар отряда Василий Кондратьевич Перунов. Сели под сосной командир и комиссар — ни дать, ни взять председатель колхоза и парторг в мирные довоенные дни, стали подводить итоги сделанному за день, прикидывать планы-наряды на завтра.

И хотя притомились за день лесные солдаты, и хотя завтра их снова ждал тяжелый ратный труд, не забились они в свои шалаши и землянки, а подле того костерка собрались, под гитару, под гармошку песни поют, на лесной прогалине в танцах парами кружатся. И когда ближе к ночи стихла музыка, Райцев, Перунов и те командиры, кому завтра вести своих людей на боевое задание, перешли в кузницу. И сразу лес зажил своей жизнью. Послышались трели соловья, где-то в лесу заухала сова, а за кустами черемухи слышались тихие голоса влюбленных. И словно бы

нет войны, и все купается в призрачном лунном свете. И воздух напоен теплым ароматом сосновой коры и смолы-живицы...

Еще недавно было здесь село
И звалось так красиво — Соловьёвы,
Да в чёрный день огнем его смело,
Засыпал пепел чистые криницы.
Лишь в кузнице — недремлющая жизнь.
Ей повезло — на отшибе стояла:
Слепые стены только занялись
Да гарь смешалась с запахом металла.
Могучий бор стеной стоит в ночи.
А в кузнице не ведают покоя:
Безусые вчера бородачи
Готовят планы завтрашнего боя.
Еще недавно здесь коваль-кузнец
Будил железо, сам проснувшись рано...
На наковальнях собственных сердец
Теперь куют победу партизаны.

Мир и покой в лесу. Но чем встревожены командир и комиссар? Нет-нет да и выйдут из кузницы, постоят под высокой сосной у костерка, пройдут лесной тропинкой до полевой дороги, до опушки. Кого высматривают они, кого ждут? Вот опять прислушались.

— Слышишь?

— Слышу,— отвечает командир комиссару.— Не иначе, колеса стучат.

И я прислушался: стучат колеса, считают на лесной дороге натянутые жилы сосновых корневищ. Кто-то едет.

— Пошли,— бросил Данила Федотович.

И мы пошли тропинкой к опушке. Там увидел я все ту же легкую, фасонистую бричку комбрига Миная.

— Добрый вечер, Данила,— поздоровался Минай

Филиппович с командиром отряда. Приглядевшись, сказал: — Эге, так ты тут не один. Добрый вечер, хлопцы. Что ж это вы про сон забыли?

— А вы, батька Минай?

— Так я же старик. Старики мало спят. А вы молодые, вам по гнездам пора. Без жара ваших сердец сено остыло в шалашах.

— Нагреем, батька. У нас жару хватает...

Двинулись за батькой Минаем, за его бричкой к лесной кузнице. Все хорошо знали, что приехал комбриг в такой поздний час не на вечеринку, что предстоит какой-то важный разговор.

Хотел было я поискать себе местечко где-нибудь в партизанском шалаше, чтобы не идти в кузницу, не мешать командованию, но Минай Филиппович, заметив мою нерешительность, сказал:

— Входи, корреспондент. Ты же приехал сюда писать о чем-то. Так ведь?

— А то как же. Конечно, писать.

— Вот и слушай, пиши.

И еще большим уважением проникся я к этому доброму, открытому человеку. Все он понимает, в душе твоей читает, как бы видит тебя насквозь.

Кузницу заполнили командиры взводов, разведчики, подрывники, старые и молодые партизаны и партизанки. Пришли они по вызову Данилы Федотовича. Комбриг поставил перед ними боевую задачу: организовать «концерт» на железной дороге, по которой завтра в полночь должен проследовать к фронту вражеский эшелон с танками. Комбриг привез и план, разработанный в штабе бригады. А когда этот план был дополнен конкретными соображениями, деталями, многие уже собрались уходить и стали прощаться с Минаем.

— Посидите,— сказал он.— У меня еще не все,— и окинул взглядом лица.— А где Егор? Ага, вон он в углу притулился. Не прячься, вижу.

— А чего мне прятаться, батька?

— «Батька»! Ишь ты, сынок нашелся! — зло заговорил Минай Филиппович.— Кто ж тебе разрешил гранатами в озере рыбу глушить? Лови вершей, бреднем, можешь даже трегубицей ловить. Таскай, жарь, ешь на здоровье, но не смей глушить, истреблять! Оставь в озере хоть что-нибудь живое на развод — нашим детям, внукам. Сохрани жизнь карасикам да лещикам.— И к окружающим: — Вы его, этого глушителя, браконьера, в землянке заприте. Не пускайте его на озеро.

— Так разве ж я для себя? На отрядный стол добываю,— оправдывался Егор.— В общий котел.

— «Котел»! Самого тебя в котел! — не мог унять гнева Минай.— Проследи, Данила. Если он бросит еще хоть одну гранату в озеро, будешь сам ту сырую всплывшую рыбу жевать. Понял?

— Понял, батька. Не бросит он гранату в озеро. А бросит — сам за нею следом пойдет.

Все рассмеялись. Минай оттаял, потеплевшими глазами посмотрел на Данилу, на своих друзей-товарищей.

А я смотрел на него, на батьку Минай, и сердце мое захлестнула какая-то горячая волна. Горит земля, горит железо, все живое горит в огне войны, а он помнит про это маленькое лесное озерцо, про лещиков-карасиков, что живут в нем. Он не даст их в обиду. Как этого глушителя отчитал! Даже своего любимого командира Данилу Райцева не пощадил. Да, там, где надо быть добрым, он добр, где надо быть суровым,— суров. Справедлив, одним словом...

А этот справедливый и принципиальный человек уже садился в свою бричку. Командир и комиссар отряда отговаривали его, предлагали заночевать, но он уже другими заботами и тревогами жил, был уже своими помыслами в других отрядах бригады.

Мы стояли и слушали, как постукивают колеса на лесной дороге, как стал мягче их перестук на влажном проселке. Дальше, глубже в густой ночной туман отплывала бричка комбрига...

Утром повел меня Данила Райцев к лесной деревне Плоты, к тем березникам и соснякам, где стойко, храбро бились ранней весной его партизаны, где смертью героя пал в бою комсомолец Михаил Сильницкий.

За беззаветную храбрость, за удаль и смекалку горячо любили синеокого юношу в отряде Данилы Райцева.

Это он, юный герой, пускал под откос вражеские эшелоны с танками, с пушками; это он проникал во вражеские гарнизоны, взрывал цистерны с бензином, склады со снарядами; это он в том последнем бою под лесной деревней Плоты совершил бессмертный подвиг.

— Вот, возьми на память.— Данила Федотович протянул мне отпечатанную типографским способом листовку. Начинаясь она с Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Михаилу Сильницкому звания Героя Советского Союза, а дальше шел такой текст:

«Юноши и девушки Белоруссии!

Михаил Сильницкий — молодой колхозник, комсомолец Витебской области. Он не знал страха в борьбе с врагом, смело и беспощадно истреблял немецких оккупантов. Это был мужественный и отважный пар-

тизан, воспитанник Ленинского комсомола. Михаил Сильницкий всегда был на самых решающих участках боя. Он всегда был там, где опасность угрожала жизни, где разгорались смертельные схватки с врагом.

В одной из деревень Суражского района партизаны напали на карательный батальон фашистов. Партизан Сильницкий защищал главные подступы к деревне. Вместе со своим товарищем К[упченко] они установили пулемет на крыше дома. Немецкие солдаты двигались колонной в деревню. Бесстрашный патриот Родины подпустил фашистов на 25—30 метров. Хлынул горячий шквал свинцового дождя. От метких выстрелов более трех десятков немецких воjak нашли свою могилу.

В помощь карательному отряду немцы бросили новые силы. Партизаны после 7-часового боя, когда у них вышли уже все боеприпасы, вынуждены были отступить. Прикрывать отход партизан взял на себя Михаил Сильницкий. Он один смело принял жестокий бой с разъяренной бандой людоедов, чтобы дать отряду возможность выйти из боя победителем и без потерь. Десятки немцев опять полегли от руки Сильницкого. Партизаны были уже в условленном месте. Сильницкий также стал отходить. Но путь ему преградили немцы. Началась смертельная схватка. Вражеская пуля ранила Сильницкого, но он сражался до последнего патрона. Гитлеровцы пытались взять его живым. Михаил Сильницкий бросился в рукопашную схватку. Кинжалом убил 2 фашистов и 1 смертельно ранил.

Он победил в неравном бою и стал Героем Советского Союза!

Юноши и девушки Белоруссии!

Берите пример со своего героя-земляка Михаила Сильницкого...

Смерть немецким оккупантам!

ЦК Ленинского комсомола Белоруссии».

Перечитываю сегодня эту листовку, вспоминаю рассказ Данилы Райцева и вижу, как наяву... Наседают фашисты со всех сторон, а он, Миша Сильницкий, с крыши поливает их огнем.

— Сдавайся, рус!

Враги окружают хату.

Последние патроны у героя. Швырнул гранату. Взрыв. Вопли.

— Не возьмете, гады!

И не взяли бы. Но кончились патроны. Нечем отбиваться. Одна надежда на кинжал. Ненависть к врагу придала ему силы. И один в поле воин!

Последний раз полыхнул холодным блеском кинжал в руке у Сильницкого. Подкосила, свалила его наземь вражья пуля. Молодая горячая кровь героя оросила снег и обожгла сердца партизанские. Одно утешало: дорого отдал Михаил Сильницкий свою жизнь. Фашисты потеряли около трехсот человек, на поле боя осталось несколько десятков убитых лошадей, подорванная пушка...

Были и еще кровавые схватки, росла, мужала партизанская слава.

Вскоре Советское правительство наградило многих партизан орденами и медалями. Михаилу Сильницкому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Райцев получил орден Красного Знамени. А грудь Миная Филипповича Шмырева и командира 2-й партизанской бригады Михаила Ивановича Дьячкова украсил орден Ленина.

Рассказывал обо всем этом Данила Федотович, а лицо его то светилось улыбкой, то набегало на него облачко хмури, туманя ясные очи. С непередаваемой грустью смотрел командир на могилу Миши Сильницкого — верного боевого друга.

В тот же день в отряде Райцева увидел я отца Михаила Сильницкого.

— Я давно тебя дожидаясь, Федотыч,— подошел он к командиру отряда.

— Слушаю вас, отец. Говорите, с чем пришли. Может, надо что-нибудь? Поможем.

А тот, седой как лунь, с выражением горя на старческом лице, как-то виновато улыбнулся, глухо, негромко сказал:

— Сделал я крест. Хороший крест, из старой сосны. Покрасить его надо, да нечем. Не могу краски достать. Ходил, ходил, а крест лежит, никак не поставлю крест.

— И что вам дался этот крест? Зачем он вам?

— Мне-то он не нужен. Мишке моему нужен крест. Чтобы честь по чести...

Данила Федотович задумался. Он понимал, что на душе у старого человека. Но куда это годится — крест на могиле комсомольца, прославленного героя.

— А может, отец, не нужен там крест? — осторожно произнес комиссар Перунов. — Памятник на могиле вашего сына поставим.

— Вот-вот, правильно,— подхватил мысль комиссара бригады Данила Федотович Райцев. — Памятник! Гранитный. А самого из бронзы отольем. Золотые буквы на памятнике всем-всем скажут: лежит здесь молодой партизан, герой народный Михаил Сильницкий!

Старику, конечно, приятно было слышать эти слова. Но когда еще поставят тот памятник. Сидел, молчал, а потом опять говорит Райцеву:

— Что ж делать? Коли у вас нечем покрасить крест, пойду я к Минаю. У батьки Миная достану краски. У него найдется.

И снова я отмечаю про себя, с каким добрым чувством, с каким уважением говорит убеленный сединами отец сына-героя о человеке, который моложе его годами. Батькой называет, уверенный в его силе, в его доброте. А как же! Батька Минай все может, все по плечу батьке Минаю!

Человек из дубравы

Далеко прокатилась добрая слава Миная Шмырева. Каждая сосна в бору, каждая береза в зеленой роще колыхали, пестовали его славу. С ног сбились немецкие овчарки и до зубов вооруженные каратели, а на след Миная не напали. Народный мститель был неуловим. Он жил в лесах и в сердцах людей, а сердец своих люди врагу не открывали.

И снова озаряют ночное небо подожженные партизанами вражеские бензохранилища, и снова человек из дубравы со своими хлопцами пускает под откос эшелоны с боеприпасами и техникой врага, подрывает минами автомашины, танки, останавливает обозы, возвращает людям зерно, скот, что награбили у них фашистские «заготовители».

Поразвешали, порасклеили на стенах и заборах военные немецкие власти отпечатанный во множестве экземпляров приказ: живым или мертвым доставить Миная в Суражский гарнизон. За голову Миная Шмырева награда — 25 тысяч марок.

Шло время. Пожелтел от солнца тот приказ на стенах и заборах, в клочки изорван на дорогах под ногами. Фашисты напрасно рассчитывали, что им выдадут Миная. «Не знаем такого, слыхом не слыхивали», — твердили люди, а сами, чем только могли, по-

могали Минаю. И не диво: где ни проходил он — глубокий след добрых дел на земле оставался.

Первая стычка минаевцев с врагом произошла у речки Туровки.

Это было боевым крещением для минаевцев. Отряд же родился двумя неделями раньше. 9 июля 1941 года 22 рабочих Пудотьской картонной фабрики решили уйти в партизаны. 13-го утром на фабричной машине они уехали в лес, под Тимоховский Маяк, а 15-го под хутором Самохвалиха к ним присоединилась группа красноармейцев. Теперь у Миная было четыре десятка бойцов. Хлопцам не терпелось открыть боевой счет. Случай не заставил себя ждать. 25 июля, когда отряд переходил на новую лесную базу, из головного дозора прибежал молодой партизан: — Фашисты!..

На противоположном берегу Туровки расположился на привал вражеский кавалерийский отряд. День был жаркий. Многие солдаты и офицеры полезли в воду, остальные загорали на берегу. А тем временем за кустами к ним неслышно подбирались минаевцы.

— Ударим, батька! Голенькими возьмем!

— погоди, не спеши, сынок, — урезонил Минай не в меру горячего хлопца. — Не все голенькие. Видишь, стоят у пулеметов дозорные, глаз не сводят с этих кустов. Скоро и им захочется освежиться.

И верно: раздеваются, лезут дозорные в бурую воду лесной, болотистой Туровки. «Ну и кудесник наш батька! — молча восхищается молодой партизан. — И как он догадался, что они бросят пулеметы, полезут в речку?»

— А теперь за работу, хлопцы, — тихо говорит Минай. — Самое время.

В соснячке за кустами лозы на песчаном пригорке установили пулемет. Бойцы с винтовками ближе к речке подползли.

— Вот теперь ударим... Огонь! — скомандовал Минай.

И ударили! Что там творилось... Красной стала бурая вода Туровки. Раненые, недобитые чужаки пытались нырять, цеплялись за траву, за прибрежные кусты, но партизанские пули везде находили их.

— Не худо для начала,— пыхнул трубкой Минай, прикинув, что в первом же бою они отправили на тот свет добрых три десятка гитлеровцев, а сами не потеряли ни одного человека.— Теперь давай бог ноги. Не может быть, чтобы враг не попытался отыграться.

— Надо нам на остров подаваться, батька,— предложил один из партизан.— Там надежней будет.

— Надежней, говоришь? А ты ничего умнее не мог придумать? — укоризненно посмотрел на него Минай.— Нельзя нам на остров. Запрут нас там и передуют, как цыплят. Нет, нас спрячет болото Великий Мох...

И повел он своих боевых товарищей на Великий Мох, в густой лозняк, в высокие тростники и камыши. Идет, а сам все оглядывается: нет ли погони? Но произошло то, чего опасался Минай. Едва отошли немного, как в небе загудело и из-за леса появились вражеские самолеты.

— Это же по наши души летят! — произнес кто-то из партизан.— Ну, сейчас начнется...

Он не ошибся. Фашисты засыпали бомбами зеленый остров, на который не повел своих бойцов батька Минай.

Приседая, помогая себе крыльями, побежали с острова в кусты, в высокую осоку голенастые журавли.

— Стратеги! Тактики! — улыбался, глядя на них, Минай Филиппович. — Видите, не взлетают, а к земле жмутся. Ну и хитрая птица!

А самолеты все бомбили и поливали пулеметным огнем остров и болото вокруг него.

— Гати, молоти! Не жалей лягушек, злыдень! — смеялись партизаны. — Сыпь побольше бомб в болото, для фронта меньше останется...

Самолеты, отбомбившись, улетели. Снова стало тихо над лесом, над болотистой поймой речки Туровки...

— Ну и голова у нашего батьки! — заговорили партизаны. — Это же не Минай, а настоящий Суворов!

Минай Филиппович слушал, посмеивался, а потом сказал:

— Хватит вам, хлопцы. И обыкновенной, не суворовской головой надо думать толково. Семь раз отмерь — один раз отрежь. Слыхали такую пословицу? Мудрые слова. Сама жизнь ее сложила.

Эта победа над отрядом регулярных фашистских войск окрылила партизан, укрепила их боевой дух, веру в торжество правого дела.

Из дневника партизанского отряда М. Ф. Шмырева.

«28 июля 1941 года. Мы с группой в 21 человек сделали засаду на опушке леса близ дороги между Тимохами и фабрикой... По дороге со стороны фабрики показались крупный конный обоз, часть пехоты и автоколонна. Вступать в неравный бой не решились. Пропустив весь обоз, мы из засады обстреляли 4 грузовые автомашины... Всего убито немцев 10—15 человек. Отряд, несмотря на открытый немцами огонь, благополучно возвратился в свой лагерь...

1 августа 1941 г. ...Начиная с 25 по 31 июля нами... уничтожено: автомашин — 4... мостов — 4, убито немцев — 45...

8 августа 1941 г. ...Состоялось первое организационное собрание коммунистов отряда. Присутствовало 16 коммунистов. Выбрано бюро партийного коллектива в составе 3 человек: Голубева П. Н., Кудельского Р. С. и Дукаревича...

15 сентября 1941 г. Получили сведения, что в Сураж приехало более 1 тыс. немецких солдат. Въезд и выезд из Суража запрещены. Немцы контролируют р. Западная Двина. Над рекой летают самолеты...

1 октября 1941 г. В августе и сентябре нашим отрядом... уничтожено грузовых автомашин — 6, легковых автомашин — 2, мостов — 4, разогнано сельских управ — 3. Убито немцев: солдат — 45, офицеров — 11...

10 октября 1941 г. ...Мы установили, что немцы тесным кольцом по окружающим наш лес колхозам стягивают свои силы. Выходить в колхозы стало невозможно. Всюду засады. Ожидаем нападения на лагерь...»

Тогда-то и стали еще чаще появляться на заборах и домах в окрестных деревнях и селах листовки-посулы: «Кто схватит Миная Шмырева и приведет живым в Сураж или Витебск, тому 5 гектаров земли, лошадь и корова; кто убьет Миная Шмырева — 2 гектара земли и лошадь».

Читали люди эти листовки, посмеивались, говорили:

— Самих вас, злыдни, сырая земля примет. Смолы вы горячей напьетесь, а не крови батеньки Миная!..

Читал те листовки и сам Минай, рвал их, а чаще обращал все в шутку.

Об этом я позже написал такие строки:

Что там пишут? А ну, поглядим,
Что сулят эти выродки снова:
«Кто Миная доставит живым —
Тридцать тысяч тому и корова».
Усмехнулся Минай: «Вот те на!
Хоть ты сам к ним иди, не иначе.
Это ж денег тугая мощна,
Да еще и корова впридачу».

Тогда же пришла к батьке Минаю из Суража партизанская разведчица. Поглядел на нее Минай, спрашивает:

— Чего ты такая мрачная? Что стряслось?

Вздыхает девушка, молчит, а в глазах боль и тоска.

— Что случилось? Говори, дочка...

А та не может говорить. Плачет. Обнимает ее за плечи Минай, утешает:

— Говори, милая! Может, помочь надо чем?

— Очень горькая новость, батька,— через силу вымолвила девушка.— Беда страшная... Детей ваших немцы заложниками взяли...

Нахмурился, ссутулился, низко опустил седую голову Минай.

— И меньшого? — сдавленным, глухим голосом спросил.— И Мишку?

— И Мишку... Всех забрали... И сестру Ганну тоже. Всех. Объявление вывесили: «Придет Минай Шмырев, сдастся немецким властям — детей отпустим, а не явится, не придет — все они будут расстреляны...»

Обнажили головы лесные солдаты, молча стояли, обступив своего командира, а потом дружно, в один голос:

— Надо, батька, детей твоих выручать! Все как один пойдем! Веди нас!

Минай не поднял головы. О том, что читалось у него в глазах в тот горький час, я в своей партизанской тетрадке записал:

Почернел он и вроде угас,
Думу думает, полон смятенья:
«Детки, детки мои... Ради вас
Я любые бы принял мученья.
Я готов за любимых детей
Из груди вырвать сердце, поверьте.
Ну а как из фашистских когтей
Вырву вас, заслоню вас от смерти?»
Хлопцы дружно: «Веди нас, Минай!»
А у каждого мать ли, невеста...
«Погублю их — до гроба, считай,
Не найду на земле себе места.
Не найду оправдания себе,
Я за них головою в ответе:
Мы сроднились в кровавой борьбе,
Все они — мои кровные дети.
Слышу, совесть велит мне: «Минай!
Ты ведь знаешь — нависла блокада.
Давит враг. Тут гадай не гадай —
Уходить от карателей надо». —
Как же сладить с лихою бедой,
Как уйти от судьбы неминучей?..
Дочерна загорелый, худой,
Он стоял непролившейся тучей...

Последнее зерно парили партизаны в котлах, да еще молоко от двух коров выручало в те черные дни первой военной осени. Отрясла осень с берез, кленов и дубов лист. Словно бы поредела дубрава. Издалека примечал глаз в оголенном лесу и землянки, и повозки, и человека. Летом кормила дубрава, а теперь здесь голо и голодно. Так неужто по хатам, по гумнам, по сырým подвалам прятаться, отсиживаться до весны, до травы, до листвы зеленой? Как вырваться из блокады? Как обмануть врага?

Опять листаю мою партизанскую тетрадь:

Догнивают грибы. Листопад.
Небо серое хмурится, плачет.
Много суток в блокаде отряд.
Поседельй, бывалый солдат,
Батяка думает: «Вот ведь задача!»
Как пройти, чтоб поменьше потерь,
Ускользнуть, улизнуть от проклятых?
Медлить некуда — только теперь:
Голодают лесные солдаты.
Что с них толку, с двух тощих коров?
В день на брата по горсточке жита.
А зерно-то с крестьянских дворов
Не придет — все дороги закрыты:
И тропинки, что в Пудоть вели,
И за линию фронта ворота...
Вот с Большой разве только земли
Хлеб им в лес привезут самолеты.
Да и ей нелегко ведь, Большой,—
На фронты, на заводы дай хлеба.
Этак можно расстаться с душой,
Пирогов поджидаячи с неба.
Думай, думай, Минай, и не лъсти
Себя, батяка, надеждой на чудо.
— Нет нам, хлопцы, иного пути,
Как тишком выбираться отсюда.
Где по три человека, по пять
Просочимся неслышно, как тени,
Лес и ночь будут нас прикрывать,
А потом соберемся опять,
Только ветер повеет бесенний.—
Лес и ночь поглотили людей,
Заслонили собою надежно.
Тишина. Не стреляют нигде.
Только лист прошуршит осторожно...
А уже и рассвет недалек,
Ночь уходит, меж елями тая.
Закурить бы! Минай на пенек
Сел. Молчит, дым в раздумье глотает,
Занимается серый денек —
Занимается в сердце Миная
Беспокойство. Неужто беда

Их настигла, пришла спозаранку?
Что такое? Машины гудят.
Окружают фашисты стоянку...

Но это была еще не беда: опять вырвался Минай с горсткой своих хлопцев из ловушки. Опять перехитрил врага.

Наступила зима. Холодная, голодная, злая зима. Ни хлеба, ни сухарей, ни соли в промерзших, разбросанных по лесу землянках. Добывали изредка скудный харч, устраивая боевые вылазки. Рисковали: на снегу оставались следы, которые могли привести в лес карателей.

Так оно однажды и произошло: на землянку, в которой жили Минай Филиппович и трое его товарищей, напала целая свора фашистов и полицейев. Услыхав стрельбу, к группе Минай присоединилось несколько партизан из другой землянки, что находилась неподалеку. И все равно карателей было много, а партизан горстка. Это позже, когда отряды зоны сольются в бригаду, когда будет установлена связь с бригадой Алексея (А. Ф. Данукалова), с партизанами Константина Заслонова и другими соседями, тогда подобные действия карателей станут для минаевцев не столь опасными. А пока отряды Райцева, Бирюлина, Захарова, обескровленные в боях, сами нуждались в помощи партизан с Ушачщины, Лепельщины, Сенненщины. Даже свои хлопцы из дальних землянок могли бы поспеть лишь к исходу этой схватки...

Неравный, жестокий бой. Много полегло врагов, но понесли потери и партизаны. Из последних сил отбивались, отстреливались минаевцы, отступая по глубоким сугробам в лес, в глухомань.

Косит фашистов из автомата Минай. Но уже убит его верный друг Полубинский, убита жена Полубин-

ского. Упал смертельно раненный храбрый партизан Кудельский. Один отбивается Минай. То могучий дуб заслонит его, то смолистый ствол сосны примет на себя вражескую пулю. Зимние сумерки сгущаются быстро. Уже врагам не видно, откуда стреляет Минай. А он все дальше, глубже уходит в темную пущу, с деревьями, кустами сливается.

...Уже два дня ни крошки во рту. Да и годы. Ослаб человек. Присел на кочку под березой. Напиться бы соку сладкого! Да не оттаяла еще, не набухла соком белоствольная. Утолил жажду снегом, поднялся, а его шатает, не слушаются усталые ноги. А надо идти, надо выбираться из чащи. Воют волки, учуяли запах крови на недавнем побоище. Но не волков боится человек, двуногих зверей — фашистов: завтра они могут прийти сюда, прочесать лес, напасть на след...

И пошел Минай, преодолевая усталость и голод. Решил свою старую мать проведать. Может, последней будет эта встреча в глухую зимнюю ночь.

Весь в снегу, голодный, обессиленный, доплелся Минай до родного порога.

— А мой же ты сыночек! Живой! — обрадовалась старая, столетняя мать. Обрадовалась и испугалась. Как же он отважился прийти в родную хату?! Его могут схватить эти нелюди!

И другая забота у нее:

— Чем же мне покормить тебя, сынок? Вон ты какой худущий. А у меня ж ни хлеба, ни луковицы. Все забрали, проклятые.

И старая стала растапливать печь.

— Накормлю тебя, сынок, бульбой.

— А бульба есть?

— Как же! Есть. Три мешка припрятано в хлевушке под соломой.

— Так что ж ты, мать, горюешь? Три мешка бульбы! Да я у тебя откормлюсь до весны, как добрый кабан! — попытался шутить Минай. И хоть шутка получилась невеселой, старая сгорбленная мать поняла, что сын хочет ее приободрить. Сердцем чуяла она, что полынь горькая прорастает в душе сына и что пришел он не на ужин этот убогий, а чтобы услышать от нее про свою беду, про страшное свое горе.

И рассказала Минаю старая мать о детях его, о том, что ей самой довелось пережить.

— И меня допрашивали, сынок. Били меня в той суражской немецкой управе... А деток твоих, сынок, нет. Убили, расстреляли их фашисты. В Сураже расстреляли, за городом на лугу зарыли злыдни твоих деток. Всех вместе... А маленький Мишка, когда вели их расстреливать, говорил: «Я не боюсь фашистов». Он, бедненький, не понимал, что замышляют эти подлюги. Все говорил старшим: «Чего вы плачете? Я же не плачу. Не бойтесь. Вот придет папка из лесу и всем этим фашистам руки повырывает, головы пооткручивает. Наш папка смелый, сильный».

Вытирая уголком платка слезы, старая полезла рукой за икону и достала какие-то бумажки. Была там листовка, в которой Минай прочел о себе: «...Если он не придет, не сдастся немецким властям, весь род Шмыревых будет уничтожен». И еще клочок бумаги — письмо, а в нем такие слова: «Не приходи домой, родной папочка, — писала из тюрьмы старшая дочь, пионерка Лиза. — Если тебя, папка, убьют, мы беспомощны — не отомстим фашистам...»

Как будто только сейчас долетели сквозь ночь те залпы из Суража, эхом отдались в старенькой хате.

Лиза — залп!

Сережа — залп!

Зина — залп!

Миша (неполных три годика!) — залп!

Прямо в сердце батьки Миная все четыре залпа. Мрачный сидел он над чугуном остывшей бульбы, и не было сил подняться из-за стола. А надо было уходить, надо было расстаться и с матерью, и с теплом родной хаты.

— Спасибо, мать, за все. Пойду я.

— Да-да, ступай, сынок... Иди, пока не развиднело.

И, накинув на плечи ветхий кожушок, вышла вслед за ним из хаты и долго стояла на заснеженном крыльце...

А он шел сквозь ночь, не разбирая дороги, шел и нес в сердце святую веру, что где-то там, в пуще, ждут его верные хлопцы, что партийное и комсомольское подполье готовит новых бойцов, что Большая земля и Центральный партизанский штаб в своих планах уже рассчитывают и на него, на Миная Шмырева...

Под осень 1942 года, будучи второй раз в Пудоти, я принес Минаю Филипповичу газеты, которые захватил с собою из Москвы. В одном из номеров «Савецкай Беларусі» были напечатаны стихи Аркадия Кулешова «Баллада о четырех заложниках».

— Это про вас, Минай Филиппович,— говорю, возвращая газету.

Он насторожился, закурил. Засипело, затрещало в черной, прокуренной трубке.

— А что там пишется? — спрашивает тихо.— Прочитай.

Іх вядуць па жытняй сцяжынцы.

Чатырох.

Пад канвоем.

З дому.

Чатырнаццать — старэйшай дзячынцы,

Тры гады хлапчуку малому,—

стал я читать.

В это время кто-то вошел в избу, сел рядом со мной и толкнул меня локтем. «Что такое? Чего он толкает?» — подумал я, взглянув на соседа.

А Минай Филиппович сделал нетерпеливый жест рукой:

— Пусть читает. Послушай и ты, Ричард.

С упреком посмотрел на меня комиссар бригады Ричард Шкредо. Я много слышал о комиссаре минаевцев, отличном пропагандисте, авторе и редакторе многих партизанских листовок, человеке светлого ума и большого такта. Я все понял, но отступить было поздно, и дочитал до конца стихи, полные жгучей тоски и боли:

Іх салдат

Да сцяны прыстаўляе.

Цэліць кат у льяныя галовы,

Пачынае з сына Миная.

Стрэл.

Упаў хлапчук трохгадовы...

Кат ізноу пісталет узнімае...

На сцяне — заложнікаў цені...

Вось і ўсё.

Перад бацькам Мінаем

Станьце, ўсе бацькі, на калені!

— А где сейчас Аркадий Кулешов? — по-прежнему тихо спросил Минай.

— На Калининском фронте, — отвечаю. — С фронта прислал эти стихи в нашу газету.

— Сам бы перед ним стал на колени, — сказал Минай. — Прямо за сердце взял меня этот Кулешов.

И, конечно, в который раз припомнил батяня Минай пережитое. Говорит, а глаза полны слез...

— Что я тогда думал?.. Детки мои дорогие, думал, родные мои. Ну как вам передать, как поведать про боль мою? А что делать, что придумать? В бой рвутся мои хлопцы, готовы головы за вас положить. Славные, верные хлопцы. Но как мне вести их на танки, на дзоты, под немецкие пушки? Перебьют, перестреляют всех моих ребят. Не простят мне этого их дети, матери, жены, родная земля не простит... Да, страшные были дни, а того хуже — ночи. Чудилось: встают из могилы, тянут ко мне ручонки... Какой уж тут сон. Задремлю на минутку и все их голоса слышу: «Отомсти, батька, фашистам за наши муки, за смерть нашу». И я мстил! Я шел в самое пекло, под пули, но меня уже и пули вражьи не брали...

И еще вспоминается один разговор той поры. Впрочем, начать надо с записи в отрядном дневнике, датированной 14 октября 1941 года, того блокадного октября. «Выпал снег. Выходить никуда нельзя. Сидим в землянке, читаем книгу «Как закалялась сталь». Нет, не только Николая Островского читали партизаны, батька Минай. Как-то он меня спрашивает:

— А знаешь ты, Антось, писателя Александра Фадеева? Видел его? Где он сейчас?

О том, что встречаться мне с Фадеевым не приходилось, я умолчал. А на последний вопрос ответил:

— Где ж ему быть? В Москве, скорее всего.

— Нет, не угадал ты, корреспондент. Воюет Александр Фадеев и нас воевать учит.— Минай протянул мне затрепанную, пожелтевшую уже, читанную-перечитанную книгу. «Разгром».— Читал? И я вот в который раз перечитываю. Это вроде суворовской «Науки побеждать».

После войны довелось мне вместе с Александром

Фадеевым ехать из Москвы в Минск на второй съезд писателей Белоруссии. Разговорились. Узнав, что я бывал в партизанских отрядах на Витебщине, Фадеев стал расспрашивать про Миная Шмырева. Я припомнил тот давний разговор с Минаем.

— Так что и вы можете считать себя минаевцем, Александр Александрович.

Фадеев не ответил. Видно, мысли его были заняты другим: он читал балладу Кулешова, запомнил ее жгучие, полные боли строки. Губы его шептали: «Перед батькой Минаем станьте, все отцы, на колени!..»

27 января 1942 года в район Пудоти вышли передовые части Красной Армии, продолжавшей преследовать врага, разгромленного у стен Москвы. А уже 2 февраля Минай Шмырев и Ричард Шкредо закончили формирование нового партизанского отряда из колхозников и служащих Запольского и Пудотского районов. Во главе боевых групп становятся Шпаков, Михайлов, Федоров, Воронов.

День 8 апреля 1942 года стал днем рождения 1-й Белорусской партизанской бригады. Вскоре после этого я первый раз побывал в Пудоти, первый раз встретился с Минаем Филипповичем Шмыревым и его боевыми побратимами.

Вторая встреча состоялась уже на исходе лета, когда отряды выросли, пополнились людьми, оружием и бригада стала грозной силой.

— Куда податься думаешь? — спрашивает комбриг. — К кому первому с визитом явишься?

— Дороги знакомые, — отвечаю. — Пойду сперва к Курмелеву. Может, он меня хоть на этот раз на «свадьбу» пригласит.

Минай в хмуром молчании набивает табаком трубку, потом тихо произносит:

— Нет Рыгора... Погиб Рыгор...— словно камни падают его слова.— Пойдем, хоть могилу покажу.

Могилу... Что мне скажет безмолвная могила? Сам Георгий Курмелев передо мной. Веселый, русоволосый, стоит на вершине кургана. А еще вижу его в той белоствольной березовой роще, где землянику собирали.

И в отряде Данилы Райцева потери. Не увидел, не застал в живых и той белокурой телефонистки, и многих знакомых подрывников, разведчиков.

И сам Данила Федотович что-то очень уж осунулся, спал с лица, почернел.

— Большое горе у нашего командира,— сказал комиссар отряда Василий Кондратьевич Перунов.— Каратели расстреляли его отца, мать, сестер — Катерину, Марылю и Зосю... Партизаны поклялись отомстить врагу. Не уйти фашистам от возмездия...

Не уйти!

Как текут малые речушки, прозрачные ручейки в Двину, так текли в партизанские отряды бригады Миная Филипповича Шмырева народные силы, шли юноши и девушки, мужчины и женщины. Всенародной стала партизанская борьба на земле белорусской. Одна забота у всех: выстоять, защитить родную страну, жизнь своего народа защитить!

Белорусский народ, как дорого ему все то, что дала Советская власть, дал колхозный строй. Сквозь муки и смерть шагали в легенды, в былины, в песни, в бессмертие герои Отечественной войны. Уже в самом ее начале славный песнярь белорусского народа Янка Купала во весь голос заявил: «Если враг сорвет яблоко, созревшее в нашем саду, оно разорвется гранатой у него в руках! Если он подойдет к нашим чистым студенным криницам, они пересохнут, чтобы

не дать ему напиться. Если он сожнет горсть наших тяжелых колосьев, зерна хлестнут по нему свинцовым дождем!..»

Исполненные гнева, шли на врага белорусские партизаны и партизанки, подпольщики и подпольщицы — славные сыны и дочери Отчизны.

Враг изощрялся в коварстве. Хотя и ранее он был не так-то прост. Страницы моей партизанской тетрадки напомнили мне кровавое утро, страшную трагедию, что произошла в Пудоти на исходе сентября 1942 года.

Возвращаясь на Большую землю из самого отдаленного минаевского отряда — из отряда Данилы Райцева, я заночевал в Пудоти. Здесь продолжали работать районные партийные и советские организации. На страже жизни и труда наших людей стоял партизанский отряд Шпакова. Все было тихо в ту звездную ночь. А на рассвете...

На рассвете из густого тумана возникли фигуры каких-то незнакомых людей. Кто они?.. Шли с граблями, с косами, одетые по-крестьянски. Партизанские патрули не задержали, пропустили «косарей».

А это были фашисты.

Все произошло внезапно. Враг оседлал единственную дорогу через линию фронта.

Эту горькую весть и принес я в Москву.

Полку Минаева прибыло

С возвращением в Москву навалились на меня заботы. Во-первых, надо было, как говорят журналисты, «отписаться» за командировку во вражеский тыл. Статьи, очерки, зарисовки... Во-вторых, яркие, незабываемые впечатления просились в стихи. Многие мои стихотворения той поры были напечатаны с пометками: «Партизанский лагерь батьки Миная», «Партизанский отряд Данилы Райцева», «Отряд Михаила Бирюлина». Наконец, зрела во мне, бродила поэма «Мой мастер», тоже навеянная увиденным в партизанской зоне. И так мне нужно было встретиться, побеседовать с Минаем Филипповичем, но я не знал, где он.

А он был в Москве. Еще в середине сентября 1942 года его вызвали в Центральный штаб партизанского движения да при штабе и оставили. Сказали: «Орлы, прошедшие твою школу, теперь и сами управятся. Твой опыт здесь нужнее. Отсюда он пойдет по всем партизанским отрядам и бригадам, повсюду, где полыхает партизанская война».

Конечно же, мы в редакции узнали, что в феврале 1943 года состоялся пленум ЦК КП(б)Б и что на этом пленуме Минай Филиппович произнес большую речь, в которой, обобщая опыт партизанской

борьбы на Витебщине, говорил о выдающейся роли партийных органов в организации и руководстве этой борьбой, в создании крупных партизанских боевых единиц.

Летом того же года мне довелось увидеть его, когда мы, белорусские поэты Петро Глебка, Анатолий Астрейка и я, приехали на встречу с людьми, которые ждали отправки во вражеский тыл.

Похудел, совсем седым стал Минай Филиппович. Может, сказалось то, что он был оторван от родной земли, от своих верных хлопцев, от боевого дела. А может, наоборот, потому его и не пустили за линию фронта, что какая-то хворь точила уже немолодого человека.

Что же привело Миная в эту партизанскую школу? Ему ли нужно было учиться, как бить оккупантов? С этими вопросами я пришел к руководителям школы.

— Минай Филиппович — сама партизанская школа, — сказали мне. — Это живая энциклопедия партизанской стратегии и тактики. Только его опыта гражданской войны хватило бы на целый курс лекций...

Потом мы читали стихи. Начинал я, видимо, как самый молодой. Батка Минай меня попросил:

— Ты, Антось, давай-ка по-нашему, по-белоруски.

Помнится, я читал отрывок из незадолго до того законченной поэмы «Мой мастер». Читал для него, для батки Миная.

Да хаты, да самага ганку
Пад'ехалі немцы на танку
У сіняе ціхае ранне.
— Ты Корчык Малання?

— Малання.
— А муж твой тутэйшы ляснік?
Бальшавік?
Звалокся ў басяцкі атрад?..—
Пытаўся, нямецкі салдат.
— Дзе муж мой, не знаю, не знаю.
Яго я і ў лесе гукаю.
Яго я і ўсюды пытаю
У блізких, далекіх людзей.
Не кажуць мне людзі: а дзе,
Чаму ён дадому не йдзе...

Я читал о том, как фашисты издевались над Маланьей. Привезли к своему штабу, дали в руки зажженную свечу: донесешь огонь до своего двора — останешься в живых, погасит ветер свечку — капут. Пошла Маланья в свой мученический путь с заклинаниями:

О, вецер!
О, ветрык мой ціхі!
Ну хіба ж ты зычыш мне ліха?
Жадаеш ім хіба пацехі?
Жыццё мне загубіш для смеху?
О, ветрык!
О, вецер крылаты!
Мне ж блізка да роднае хаты,
Пад родныя блізенька стрэхі.
Прашу я, прашу цябе, любы:
Злітуйся,
Змілуйся...—
Шаптала,
Кусала пасохлыя губы
І вецер глытала...

Мне было интересно, как Минай Филиппович прореагирует на трагическую развязку этой истории. А он задолго до конца уронил на грудь седую голову, стал даже вроде бы меньше ростом. Таким я видел его у могил боевых друзей. Знал Минай: фашисты есть фашисты, донесет Маланья свечку или нет —

конец один. И вот высшая награда для поэта: мне показалось, что в глазах у батьки Миная блеснула слеза.

Кстати, услышав позднее этот отрывок, Александр Твардовский сказал, что такие стихи не нуждаются в переводе, что они «доходят» и на языке оригинала.

— Ну, а теперь давай поздороваемся по-настоящему, корреспондент, — распахнул Минай Филиппович объятия, когда мы, закончив выступление, смешались со слушателями и я подошел к нему. — Не довелось больше побывать в наших краях?

— Нет, батька Минай. А вы, верно, знаете, что там сейчас, как ваши хлопцы?

— Еще бы не знать! Растут хлопцы и в прямом смысле, и в переносном. Нет больше отряда Данилы Райцева, и отряда Миши Бирюлина нет.

— Как так нет?

— А так. Есть бригады имени Ленинского комсомола и 1-я Витебская, а комбригами — Райцев и Бирюлин. Сила! Этой весной фашисты против них две операции предприняли. Такое год назад могло бы большой бедой обернуться. А тут выстояли!

По тому, как говорил Минай Филиппович, чувствовалось, что он душою с ними, с орлами-минаевцами, что его радуют их успехи, рост партизанских рядов.

— Не слышал, как Миша Бирюлин в один день пополнился? — продолжал Минай.

И он поведал историю, которую с позднейшими дополнениями, услышанными уже после войны от Михаила Федоровича Бирюлина, я хочу рассказать.

В бригаде батьки Миная можно было встретить русских, украинцев, грузин, татар, узбеков, калмыков, латышей. В большинстве своем это были крас-

ноармейцы, оставшиеся на оккупированной территории после трудных и безуспешных попыток выйти из вражеского окружения. Их знания, боевая выучкагодились партизанам. А вот что произошло в районе торфопредприятия «Двадцать лет Октября», где тогда действовали партизаны Бирюлина.

Под Витебск прибыл вражеский батальон. Половина его разместилась в деревне Сеньково, в двенадцати километрах севернее Витебска, вторая — в деревнях Гралево и Сувары. Зеленая саранча в касках и седластых офицерских фуражках заполонила деревни. И словно еще глубже ушли в землю хаты, деревья горестно зашептали листвою: «Приш-шла беда! Немцы приш-шли!..»

Но какие-то необычные, загадочные были те немцы. Они никого не трогали, не волокли из хлевов скотину, не выгребали из клетей и амбаров мuku, зерно, не требовали сала. За кусок хлеба, за кринку молока расплачивались тут же. Были покладистые, какие-то добрые. А когда прислушались к их говору, оказалось, что говорят они между собой на каком-то непонятном языке. И песни пели какие-то протяжные, немного печальные.

Один из них, в форме фашистского офицера, зашел в крайнюю хату деревни Сеньково. Поздоровался по-русски и задержался у порога. На его «здравствуйте» пожилая хозяйка не ответила, только скосила глаза и отвернулась. Стала растапливать печь. «Чего его принесла нелегкая? — думала она. — Может, прослышал, что у меня двое сыновей в Красной Армии? Может, он меня в свое гестапо потащит?»

А тот возьми и начни расспрашивать, как ей живется, не обижают ли солдаты. По-доброму расспрашивает, без злости. Осмелела старая:

- Ты, может, пришел меня от немцев защищать?
- Да! — решительно сказал офицер.
- Так я тебе и поверила! Ты же сам немец...
- Ошибаешься, мать. Я советский человек.
- Советский? — опять нахмурилась женщина. —

А чего ж так вырядился? Почему лопочешь не по-нашему? Чего хитришь, притворяешься? Говорил бы по-немецки...

— Да я, мать, не знаю по-немецки. Я чуваш. С Волги родом. Там и вырос. Тут много моих земляков, волжан. Мы все из плена попали в этот батальон. Нам бы с партизанами, мать, связаться. Тут где-то в лесах партизаны Бирюлина. Может, помогла бы, мать, мне связаться с Бирюлиным?

Женщина — за кочергу.

— А чтоб тебе на горле веревку завязали! — набросилась на офицера. — С Бирюлиным он хочет связаться! Чтоб тебе воронье глаза выклевало, чтоб forever не видеть тебе стежек-дорожек к Бирюлину!..

А когда она выпроводила офицера, из другой комнаты вышла ее дочь, комсомолка. Она была партизанской разведчицей, держала связь с Бирюлиным.

— Зря ты на него накричала, мама.

— Чего это зря? Фашиста жалеешь?

— Он не фашист. Пристрелил бы тебя фашист за твои слова, а этот как побитый из хаты поплелся. Худого слова тебе не сказал. Я тоже приглядываюсь к ним. Не хотят они воевать против партизан, людей наших не обижают. Может, устроить ему встречу с партизанами?

— Кто ж его знает, может, и надо, — задумалась женщина. — Если бы они перешли к партизанам, у Бирюлина прибавилось бы силы. Надо посоветоваться с самим Бирюлиным.

А через несколько дней в землянке Вирюлина собрались командиры, комиссары, разведчики. Начальник разведки Анащенко так обрисовал положение: на подмогу гитлеровским карателям прибыл этот батальон. В нем бывшие советские воины — пленные татары и представители других народов Поволжья. Батальон хорошо вооружен и специально обучен для борьбы с партизанами. На всех командных постах, в разведке и охране — немцы. Их около ста. Бойцы батальона не хотят подчиняться приказам фашистского командования. С первых дней они начали устанавливать контакты с нашими людьми, чтобы с их помощью перейти к партизанам.

Было решено вызвать на переговоры парламентаров. К партизанам их привел житель деревни Сеньково, которого, чтобы не вызвать подозрений, переодели в немецкую форму.

На предварительных переговорах парламентары рассказали, что они действуют от имени подпольной организации, созданной еще на месте формирования батальона, под польским городом Радомом. Парламентары настаивали на встрече с самым главным партизанским командиром. Говорили, что готовы всем батальоном перейти на сторону партизан.

Настороженная тишина стояла в землянке Михаила Вирюлина. Нужно было основательно подумать, прежде чем принять решение. Еще был памятен случай, происшедший летом 1942 года. Партизаны встретили в Щелбовском лесу группу людей, выдававших себя за советских бойцов и командиров, пробивавшихся из окружения. Командовал ими молчаливый, мрачный майор-артиллерист с забинтованной головой. Окруженцы рассказали, что уже давно пытаются с боями выйти на соединение с действующими

щей армией, но все безуспешно, и они не прочь присоединиться к лесным солдатам.

Партизаны поверили, приняли их с открытой душой, накормили, предложили отдохнуть в своих шалашах.

А вскоре партизанская разведка донесла, что на опушке Щелбовского леса, где появились окруженцы, обнаружены следы немецких автомашин. Когда об этом им сказали, те сначала растерялись, а потом стали оправдываться:

— Да ведь мы именно там напоролись на фашистов. На машинах они ехали. Мы их обстреляли, они и бежали.

Партизаны сделали вид, что поверили им, но устроили проверку: назвали фамилии нескольких предателей, перебежавших незадолго до этого к оккупантам, и сказали, будто бы эти люди — партизанские разведчики.

Через день связные сообщили, что всех перебежчиков-отступников фашисты повесили. Стало также известно, что у «окруженцев» есть рация, по которой они поддерживают связь с оккупантами. Не дав вражеским лазутчикам опомниться, партизаны обезоружили их, связали и заставили говорить. Оказалось, что все они отпетые негодяи, изменники.

Позже наши разведчики сообщили, что в Смоленске фашисты подготовили две группы провокаторов. В эти группы вербовали уголовников. Большинство же составляли немцы, хорошо владевшие русским языком. Они выдавали себя то за бойцов-окруженцев, то за партизан, которые якобы сражались в лесах Прибалтики, но были вынуждены уйти оттуда на Витебщину. Говорили, что хотят познакомиться с методами партизанской борьбы у партизана

гражданской войны батьки Миная, у прославленных партизанских командиров Данилы Райцева, Михаила Бирюлина. А потом удалось установить, что у них было специальное задание гитлеровского командования: разведать дороги к лагерям партизан, выкрасть или уничтожить Шмырева, Райцева, Бирюлина и других руководителей партизанского движения...

Вот эти недавние события и отдались настороженной тишиной в темной, прокуренной землянке Бирюлина. А если и в этом батальоне такие же подлецы?

И так и эдак прикидывали, судили-рядили. Нашлась горячая голова:

— А что тут рассуждать! Давайте скажем им, что мы их принимаем, а сами выберем подходящее место и время и ударим по предателям из засады из пулеметов, автоматов.

Михаил Бирюлин не согласился.

— Сердцем чую — хотят люди искупить вину. И если они перейдут к нам, мы от этого только выиграем.

На том и порешили: принять. Были оговорены условия перехода, определены для батальона боевые задачи. Первая — перебить всех немецких офицеров в батальоне, разгромить вражеские гарнизоны в Сенькове, Гралеве и Суварах. Переходить к партизанам не всем сразу, а тремя группами. И, наконец, привезти в партизанский лес все пушки, минометы, пулеметы, обоз с боеприпасами и сразу после перехода сдать оружие. Место перехода — высокий западный берег Двины неподалеку от завода «Руба». Там удобно замаскировать пулеметные расчеты, которые будут держать под прицелом батальон и в слу-

чае провокации откроют огонь. Легионерам некуда будет деваться на голом ровнехоньком льду Двины.

Все эти условия парламентареры приняли. В землянке Михаила Бирюлина был разработан детальный план операции. Начало вооруженного выступления батальона — 22 февраля 1943 года в 24.00. Сигнал для выступления — взрыв немецкого штаба в Сенькове.

Двоих парламентареров партизаны оставили в отряде заложниками, а двоих с сопровождающими отправили в Сеньково...

Тишина. Тревожное ожидание. Наступила полночь, а взрыва нет. Пятнадцать, двадцать, тридцать минут первого... Михаил Федорович Бирюлин обеспокоен. Не нравится ему эта тишина. «Неужели мы пустили козлов в свой огород? Неужели провокация? Сколько уже лежат мои хлопцы в снегу за пулеметами! Замерзли, а сигнала все нет. Молчит Сеньково. Неужели обвели нас вокруг пальца парламентареры? А как горячо говорили, как клялись в верности нашему делу...»

И Михаил Федорович вспомнил смуглого, невысокого парламентарера, который, волнуясь, поблескивая черными искристыми глазами, говорил: «Наша Родина — здесь, наша мать — здесь, наше сердце — здесь! Мы с вами душой и сердцем. Нам вместе надо бить наших врагов — оккупантов!...»

«Нет, не лгали те черные искристые глаза! — решил мысленно Михаил Федорович. — В них светилась открытая душа нашего, советского человека. В него — верю!»

— Что так долго нет взрыва? Чего тянут волынку? Как ты думаешь, — обратился Бирюлин к своему комиссару Григорьеву.

И словно услышали его в Сенькове: прогремели взрывы, в небо взметнулись яркие огненные столбы. До слуха долетели винтовочные залпы, длинные пулеметные очереди. Радостной, победной музыкой прозвучала эта стрельба для командира.

Вскоре прибежал связной, возбужденно доложил:
— Товарищ командир! Штаб в Сенькове взорван! Наши друзья добивают фашистов.

Как выяснилось, сначала все шло строго по плану. А минут за тридцать до выступления батальона гитлеровцы арестовали нескольких руководителей подпольного комитета. Вероятно, нашелся предатель, пронюхал, донес немцам, что готовится восстание. Они были настороже и оказали восставшим упорное сопротивление. Но было уже поздно: лишь немногим фашистам удалось вырваться и бежать из Сенькова. На улицах деревни трупами легли семьдесят четыре гитлеровских офицера.

Перебили офицеров и в других вражеских гарнизонах. В ту же ночь перешли к партизанам легионеры из Гралева и Сувар. Всего они доставили в отряд Михаила Бирюлина сотню пулеметов, три сорокапятимиллиметровые пушки, много минометов, свыше пятисот винтовок, пистолетов и двадцать шесть подвод с военным имуществом и различными боеприпасами.

Бирюлин радовался: есть чем бить!

Верно говорил партизанский командир: бить было кого. На подмогу карательным отрядам с фронта была переброшена целая стрелковая дивизия. Но и эта карательная экспедиция оккупантов «по окончательному и полному истреблению витебских партизан» закончилась провалом. Была в этом заслуга и новых бойцов отряда Бирюлина. Влившиеся в парти-

занские взводы, они уже на следующий день вступили в бой с карателями. Гитлеровцы вынуждены были отойти, оставить грозную партизанскую зону.

Михаил Федорович рассказал мне:

— Здорово дрались перешедшие на сторону партизан бойцы, кровью искупили вину свою. Ни разу не подвели нас. Прикажешь им держать оборону — стоят насмерть.

А еще Бирюлин припомнил, что слышал от кого-то про их подпольные группы, созданные в Польше, за колючей проволокой концлагерей.

Руководил подпольными группами, нацеливал работу подпольного комитета татарский поэт. Кто он, тот поэт, тогда никто не знал. Много времени спустя, когда в газетах появилось имя Мусы Джалиля, я понял, что речь шла именно о нем, о героическом человеке и поэте Джалиле...

Охотно, с подробностями рассказывает Бирюлин о своих боевых друзьях-товарищах, об их славных делах, героических поступках, о себе говорить не хочет, не любит.

— Михаил Федорович, а вот тот бой в конце зимы, — наминаю ему конкретные детали боя.

Михаил Федорович молчит, улыбается.

— А, давно это было, — говорит. — Зачем вспоминать? Была война. Надо было воевать, бить врага. Я это и делал. Многие это делали...

Что правда, то правда, очень многие. Все верные сыны и дочери Родины. Таким верным сыном, таким патриотом был и ты, Михаил Федорович. Гляжу в его чистые, умные глаза, а в них то живые искорки радости засветятся, то облачко застарелой печали проплывет. Рад человек, что своими глазами увидел нашу победу. Горько ему, что многим его друзьям и

товарищам не довелось дожить до нее. И кажется, я читаю его мысли, а он, притихший, слушает меня. Слушает стихи о тех, кому не суждено было дожить до светлого праздника Победы, о нашей земле, давшей им последний приют.

Спят в ее тесных объятьях
Хлопцы последней войны...
Может, на праздник позвать их?
Может, услышат они?
Нет, не услышат солдаты,
Нам их ответ — тишина.
Первого грома раскаты
Не потревожат их сна.
Цвет не осыплется с вишен
Белой порошей на них.
Нет, не дано им услышать
Шепот дубов вековых...

Но и нам, живым, не дано забыть боевых побратимов, до конца исполнивших свой долг. Они всегда, навеки с нами.

Скромная хлопцам награда —
Вечная память о них.
Тихо идут с нами рядом
Тени людей дорогих...

Долго, скорбно молчит Михаил Федорович. И я знаю, что перед ним сейчас не «тени людей дорогих», что видит он живых партизан, партизанок, деливших с ним и последний сухарь, и тяжкую ношу той горькой поры. А если память уведет его еще дальше, в золотые годы детства, он увидит лесные тропки, по которым синеглазый, белоголовый мальчонка бегал по ягоды, по грибы, по орехи. Увидит свежую борозду в поле, которую он прокладывал, шагая за плугом, услышит звон косы под бруском-менташкой. В живой яви встанут перед ним и первые комсомольцы родной деревни, и горячие диспуты в сельском клу-

бе о религии, о жизни земной и «райской». Из той далекой поры ему и сегодня слышен веселый рокот первого трактора в поле, доносятся выстрелы кулацких обрезаов. Он, комсомолец Миша Бирюлин, был на переднем крае борьбы за новый колхозный строй, прокладывал для своих земляков широкую и ровную дорогу к лучшей доле...

После службы в Красной Армии Михаил Федорович возвратился в родной колхоз, стал работать бухгалтером, потом его, хорошего организатора, выдвинули председателем Боровлянского сельсовета Витебского района. Потом... А это уже известно: война, подполье, партизанский край, долгие месяцы партизанской борьбы. И вот Михаилу Федоровичу присвоено воинское звание полковника. Он награжден пятью орденами и шестью медалями. А всего дороже ему, прославленному партизанскому командиру, любовь и уважение тех людей, которым он отдавал и отдает богатство своей души, свой ум, свои силы.

Беспощадная, самоотверженная борьба партизан против оккупантов принесла плоды. Над штаб-квартирой батьки Миная снова реял алый стяг. Здесь, в партизанской зоне, работал Суражский райком партии, работали советские учреждения. Они направляли в верное русло всенародную борьбу, строили планы перехода к мирной жизни. Весной 1944 года здесь все чаще можно было услышать слова «сев», «уборка», «обмолот». Партийные работники — агитаторы, пропагандисты — несли хлебобобам призыв партии браться за плуг, но не выпускать из рук оружия. С винтовкой за спиной, с наганом на боку партизан пахал, сеял, бороновал... Люди верили, что брошенное в землю зерно пробьется к свету. Молодые, зеленые всходы выкупаются в свежих росах, в солнеч-

ных лучах — заколосится нива победы. И вестником победы будет спелый, теплый, тугой сноп. И победа была уже не за горами. Она первой ласточкой стучалась в наши окна, в наши сердца. Приближалась великая буря победоносного похода наших армий.

Стратеги вермахта сваливали свои неудачи на суковость русской зимы: у них-де генерал Мороз! У них-де полководец Зима! Но никто уже не верил этому. Мужество народа, партия Ленина, могущество нашей Родины — вот кто были наши полководцы! Бредовые планы установления мирового господства, «нового порядка» для всей планеты, которые вынашивали фашисты, потерпели крах. А вскоре всей своей мощью заговорили фронты.

Вот уже партизаны Витебщины обнимаются с воинами Советской Армии. В Витебске на Сенной площади партизанский парад. Выступает начальник Белорусского штаба партизанского движения Петр Захарович Калинин. Он говорит о героизме, о партизанах, погибших в боях с оккупантами, о батьке Минае и его верных товарищах и соратниках.

Многие партизаны из бригады Миная Шмырева влились в регулярные воинские части и ушли на фронт.

Состоялся партизанский парад и в столице Белоруссии — Минске. И с этого парада в составе полков, дивизий, армий уходили партизаны навстречу победе.

На запад, на Берлин!..

Уже 28 июля 1944 года, за месяц победоносного наступления, Беларусь полностью была очищена от оккупантов.

На мирной земле

Прошли годы и десятилетия, но и сейчас еще на территории республики можно встретить следы минувшей войны — размытые окопы, блиндажи, воронки от бомб и снарядов. Весной там зеленеет трава, расцветает мать-мачеха, а летом созревают малина, ежевика, растут грибы. В одном из таких мест я побывал со своим старым другом Данилой Райцевым. В тот мой приезд он стоял во главе большого отряда мелиораторов всей Витебской области. Человек труда, он вернулся к любимому делу. Но наступление на вековые топи только начиналось. На жирных торфяниках еще не сеяли, не жали, а Данила Федотович мысленным взором уже видел розовые разливы клевера, золотистую пыльцу над цветущим житом... Вот он идет, раздвигая руками спелые колосья, которые пахнут солнцем и сливаются за его спиной в золотистую волну.

Как наяву, видит он розовый теплый каравай на столе, ощущает аромат нового хлеба.

— Вот наша золотая жила! — обводил Данила Федотович рукою торфяники. — Отсюда будем черпать полной мерой, наполнять наши закрома!

И он разворачивает широкую картину изобилия, которое придет в колхозы с освоением торфяников.

Глазам своим не верили серые журавли, прилетевшие весной из далеких краев к родным гнездовьям. Долго кружили они в небе. И даже старый вожак, седой журавль, не мог ответить, куда девалось болото, не мог понять, кто выкорчевал кусты — журавлиные прибежища, кто уничтожил те гнилые кладки, по которым ходили здешние люди на болотные моховины по клюкву...

Опускаются журавли на молодые весенние зеленая и шагают на своих ходулях в густой березничек, что островком возвышается посреди зеленого поля над светлым полным каналом. Не знают они, что это Данила Райцев специально оставил посреди осушенного болота этот островок, где черная лоза перемежается с белыми березками. Как живого свидетеля, как музейный экспонат оставил этот клочок прошлого... О чем шумят, что говорят кусты лозняка, белые березы? А мне и жалоба слышится в зеленом шорохе, и радость великая: «Зябли, чернели, сохли от голода мы на гиблом болоте, — жалуются березы на прошлое. — В теплом торфянике зимою отогреваем теперь ноги. Солнце и соки доброй земли пьем, растем, наливаемся силой».

А журавли напились из канала и поднялись в весеннее небо. Не все болота украли люди. За Пудоть, за Туровку решили лететь, на Великий Мох... И все же грустно им было покидать старые, обжитые места, где каждая кочка алела по осени клюквой.

Серым облаком плавали в небе журавли, а на земле рокотали тракторы, слышались голоса колхозников. Видели перелетные с высоты светлые каналы-коллекторы, несущие воду в магистральный канал, а тот, широкий, полный до берегов, отдает воду Двине. До самого моря дойдет-добежит на травах, на

хвое, на березовых почках настоящая вода. Не она ли принесла ту песню, которая под соснами Рижского взморья вылилась однажды у меня в такие строки о дорогой моему сердцу Витебщине:

Не кляла понапрасну судьбу ты,
Не ломала в отчаянье рук —
Партизанкой была с той минуты,
Как земля занялась вокруг.

Она, мать-партизанка, скликала в леса, в надвинские пущи, под сень алого советского стяга своих сыновей и дочерей, благословляла на подвиги.

И до самой до вражьей столицы
Помогла им тот стяг донести...
Чтобы новою силой налиться,
Чтобы новой красой расцвести...

Чтобы расцветала земля Витебщины, трудился и трудится не покладая рук мой давний друг и тоже в прошлом прославленный партизанский командир Михаил Федорович Бирюлин. Должность у Бирюлина менее романтическая, чем у Данилы Райцева: он директор фабрики в Витебске и, занятый делами, редко бывает в соловьиных рощах, на глухариных токах, в излюбленных лосями осинниках.

Помню, в 1948 году пришел я к Михаилу Бирюлину — в то время председателю исполкома Витебского районного Совета депутатов трудящихся. И я убедился, что телефонными проводами, делами, планами своими, сердцем своим он тесно связан с сельсоветами и колхозами, со школами и клубами, со всем своим районом.

В то утро в приемной было много людей. Они пришли к своему «старшине», пришли каждый со своею нуждой, каждый со своим неотложным делом. И каждому надо было помочь, что-то уладить, чтобы человек ушел с верой в справедливость исполкома

и его председателя. А было это нелегко в ту пору: Витебск еще лежал в руинах, на улицах его сквозь серый холодный пепел пробивались дикие лопухи и крапива, закопченные стены зданий еще носили следы отбушевавшей войны.

Трудны, полны напряжения были первые послевоенные дни, месяцы, годы. Из подвалов, из окон полуразрушенных домов — в городе, из темных, сырых землянок, из крытых еловыми ветками шалашей — в деревне еще тянуло горьковатым дымом. Многие люди еще не вышли из своих убежищ.

Мало было тракторов, комбайнов, пахарей и сеятелей на колхозной ниве. Когда-то щедрые, урожайные земли взялись дерном, стал наступать на них лес. Земля подвергалась атакам со всех сторон.

В плен берут, нахлынув жадным войском
На поля из-за лесной межи,
Тоненькие прутики — березки,
Елочки — зеленые ежи,
Жилистые, цепкие осинки...
Только отбиваться поспевай.
Видно, не порадуют зажинки,
Будет горьковатым каравай.

Эта невеселая картина тревожила, не давала покоя Михаилу Федоровичу. «Весна в разгаре... Земля горит, пересыхает земля, — озабоченно думал он. — Надо обрабатывать, окультурировать землю. Не обрабатываешь, не ублажишь — кукиш покажет земля...»

Сидел, размышлял Михаил Федорович, а тем временем в кабинет к нему вошел, поскрипывая казенной ногой, пожилой мужчина — чем-то опечаленный крестьянин.

— Что вам, товарищ? — спросил председатель исполкома. — Садитесь, пожалуйста, — придвинул ему стул, заметив, что тот на протезе.

Мужчина сел, вздохнул.

— Что вздыхаете? Рассказывайте, с чем пришли. Постараюсь помочь.

— Вот-вот, за помощью и пришел, Михаил Федорович,— оживился мужчина.— Понимаете, разладилась, расковалась, чертова кукла,— показал на свою скрипучую ногу.— Подковаться надо. Нужна новая нога. А где ее взять? В Витебске не найдешь. Беда!

— Беда,— соглашается председатель, записывая в блокнот имя, фамилию, адрес мужчины и незаметно приглядываясь к нему.— Вы не из Щелбовщины?

— Из Щелбовщины.

— Были в бригаде Миная?

— А как же! — повеселел посетитель.— Минае-вец.

Михаил Федорович дружески обнял его:

— Ступайте, дорогой, домой. Напишем куда следует. Если потребуется, то и в Москву напишем. Будет вам нога...

И когда бывший партизан выходил из кабинета председателя исполкома, мне даже показалось, что казенная нога его меньше скрипит. Смотрел я на председателя райисполкома и думал: «Вот ведь оно как... Крупными масштабами мыслит Михаил Федорович, на нем заботы обо всем районе, обо всех его колхозах и сельсоветах, а он, душа человек, и об этой горемычной ноге должен думать: где ее раздобыть, как выручить бывшего партизана...»

А люди шли и шли к председателю: кто с личным горем, с какой-нибудь частной нуждой, кто с важным, государственным делом. Один жаловался, что бурей сорвало у него крышу с хаты, хорошо бы дранкой или шифером разжиться. Второй рассказал, что вот построился, а окна застеклить нечем. Третий

пришел посоветоваться, где можно отремонтировать тракторный мотор, что ржавеет у них в кузнице, как получить с опытной станции в Зазерье для посева сортового, высококрахмалистого картофеля...

Михаил Федорович со всеми был приветлив, внимательно всех выслушивал, на ходу решал и мелкие, и более важные вопросы. Приятно было видеть, как тепло, сердечно встречают председателя райисполкома в деревнях и селах, в бригадах, на колхозных полях!..

Героический народ-партизан справился с трудностями восстановления, далеко шагнул вперед.

Он навеки науку и практику
На колхозных полях породнил.
И пошли, и поехали траками
Золотые в село трудодни.

Колхозные, государственные закрома под крышу наполняются теперь дарами родной земли, а сердца людей — радостью.

А песняры наши передают струнам певучим всю эту радость, солнечность, что теплится в сердцах людей, искрится в глазах. И каждый день мы убеждаемся, что есть такая широкая, светлая, многоголосая, как сама наша жизнь, песня. Сама жизнь сложила ее.

Она восславит подвиг наших дней,
Она провозгласит на всю планету,
Что мы все ближе к цели и что это —
Осуществленье ленинских идей.
Возвышенной мечты осуществленье,
Которой жил великий, мудрый Ленин,
Которой дал он соколиный взлет...
Гордится этим наше поколение,
Что ленинской дорогою идет.

Дорогой Ленина, под знаменем Великого Октября идет и прославленная партизанка Витебщина...

О чем пела жалейка

За березовой рощей, за лозняком на лужайке тонкую, переливистую песню ведет свирель — жалейка...

Лесной тропинкой идет седовласый человек. Не торопится, к птичьим голосам прислушивается, примечает, как утреннее солнце золотит медноствольные сосны, а на макушках косматых елей молодые шишки алеют петушиными гребешками.

Теплой корою, смолой-живицей, цветами лесными, молодой листвой пахнет в старом лесу. Легко дышится в лесу, но почему так хмур человек, задумчив? Почему он так медленно, тяжело ступает? То на пень присядет, то под сосною постоит, то возле оплывшего, затравенелого окопа остановится, нагнется, поднимет позеленевшую винтовочную гильзу, долго ее рассматривает...

Идет человек, к лесным шорохам прислушивается. И в шуме-гомоне сосен словно бы слышится ему: «Постарел ты, Минай, совсем седым стал. А помнишь, каким был сильным, ловким, когда партизанил тут еще в гражданскую войну?.. Много бурь пронеслось, Минай, над твоею головой, над верхушками этого старого леса...»

Идет Минай, и в сердце его растет признательность верному союзнику — темному лесу. Хочет ста-

рый Минай сказать: «Поклон вам, сосны вековые, за то, что приняли, приютили, защитили меня в трудную годину...»

А тропинка ведет Миная дальше — через кусты лещины, через молодой белоствольный березник, через лозняк, за которым зеленеет лужайка, тихая, светлая речушка бежит. А там пастух на жалежке играет.

Плачет, рыдает жалежка в лозняке за речкой. Слушает ее надорванный голос Минай, и ему вспоминается пережитое, далекой явью встает перед ним нелегкая дорога его жизни.

Дорога жизни... Молодого, крепкого еще тогда Миная привела эта дорога прямо в Мазурские болота, в залитые водой окопы империалистической войны.

Одели крестьянского хлопца в серую шинель, обули в солдатские сапоги и велели постоять «за веру, царя и отечество». И он стоял. На совесть воевал артиллерист Минай Шмырев. С малых лет втянулся в тяжкую крестьянскую работу: то лошадей пас, то пахал и косил у помещика Родзянки. Может, потому не так уж и в тягость показалось на первых порах бывшему батраку солдатское окопное житье. И Минай, как и большинство солдат тогда, не задумывался над смыслом слов «постоять за веру, царя и отечество». Воевал он честно и серьезно и вскоре за храбрость и смекалку получил первый Георгиевский крест.

Ему даже предложили съездить на несколько дней домой. Но Минай Филиппович отказался. Это очень понравилось его начальству.

— Молодчина! — хвалил Миная командир. — Русская земля держится на таких орлах!

А этому орлу просто некуда было лететь. Ехать в логово «волчьего батьки» ему не хотелось. Даже на один день.

И хотя окопная жизнь с каждым днем становилась все труднее, вызывала все большее отвращение, привычный ко всему солдат продолжал тянуть служебную лямку. Этого не мог не заметить командир Миная.

— Либо голова в кустах, либо грудь в крестах, — не раз говорил офицер, подзадоривая артиллериста. — Старайся, Шмырев. Станешь полным Георгиевским кавалером — в офицеры выйдешь...

И Шмырев старался. Правда, сложить голову в кустах он не спешил. А что до крестов...

За геройские дела вскоре и второй Георгиевский крест дали Минаю Шмыреву. Хорошо! Плохо только, что на батарее не все ладно: то обед или ужин забудут доставить, то снарядов не подвезут, а то приволокут полные ящики, но не того калибра. «Что за чертовщина?! — выходил из себя Минай. — Немец знай лупит, жижу болотную с облаками перемешивает. Видно, у него снарядов хоть отбавляй, а мне подсунули какие-то дурацкие чурки, которые и в ствол-то не лезут... Эх, матушка-Россия!..»

И, может быть, тогда он впервые задумался обо всем происходящем вокруг. Задумался и понял, что, собственно, не веру и не царя он защищает, а родную землю, ее леса, реки, ее города и села. И как бы наградой за эти мысли был третий Георгиевский крест.

Георгиевский кавалер! Теперь, казалось, он вплотную приблизился к офицерской компании. Ведь у него крестов больше, чем у того самого командира-офицера. А он, видите ли, даже не замечает его, не то что руки не подает своему заслуженному артил-

леристу. И по-прежнему вход в теплую, сытную офицерскую столовую для Миная закрыт. А ведь уже который день одни сухари да похлебка из гнилой мороженой картошки. «Что поделаешь? — успокаивал себя Шмырев. — Война...»

А когда получил и четвертый крест, твердо решил побывать в офицерской столовой, находившейся в просторной крестьянской хате. Облюбовал в углу столик, сел. Откупорил стоявшую на столе бутылку пива. А тем временем ввалилась в избу компания подгулявших офицеров.

— Что такое? — остановился один из них перед Шмыревым. — Господа, здесь кислой овчиной и прелыми онучами смердит!

Все обернулись в сторону, где сидел полный георгиевский кавалер, прославленный артиллерист Минай Шмырев. Минаю хотелось крикнуть: «Мерзавцы!» Но он сдержался, встал, подошел к своему начальнику и тихо сказал:

— Господин офицер, вы же говорили, что на таких, как я, русская земля держится...

— Я сказал: на орлах! — поправил его офицер. — А не на мужиках. Понимаешь?

— Как не понять? Понял. Поздновато, но понял, господин офицер.

В этот день Шмырев узнал цену своим Георгиевским крестам. И не только крестам. Теперь он знал цену и тому строю, который господствовал на земле матушки-России под сенью хищного двуглавого орла.

Мысль его заработала. Прояснялись цели. Подсознательно он уже считал себя борцом за справедливость, за народную правду. Долгая жизнь в окопах — то под палящим солнцем, то в осеннюю слякоть, то вьюжной зимой — многому научила солдата.

Почерневшие от истощения люди в серых шинелях, с которыми Минай Шмырев делил горькую солдатскую долю, уже не хотели подчиняться приказам своих начальников. Чувствовалось, что близится конец их терпению. И как раз в это время на батарею кто-то принес большевистскую листовку, призывавшую повернуть штыки против царя, помещиков и капиталистов.

Листовка переходила из рук в руки. А когда ее читал Минай Шмырев, в окоп ворвался офицер, срывая голос, закричал:

— Митингуете? Мне все известно! Вот где большевистская пропаганда! — Он вырвал у Минай из рук листовку. — Так это ты бунтовщик? Георгиевский кавалер!

Минай встал с ящика из-под снарядов, подошел к своему начальнику и произнес:

— Не я бунтовщик, господин офицер!

— А кто? Говори!

Солдаты насторожились, притихли. Неужели Минай знает, кто принес листовку? Неужели выдаст?

А Минай спокойно так говорит:

— Царь, вот кто бунтовщик. Извольте взглянуть, господин офицер... — и он поднял крышку одного из снарядных ящиков.

— Молчать! — заорал офицер. — Россию продаешь!

— Видите: пустые ящики, нет снарядов, — продолжал Шмырев. — Нечем стрелять. А почему царь не прислал нам снарядов?

— Хватит! Застрелю! — схватился за кобурю офицер.

— Не горячись, пан, — сжал его руку верзила артиллерист. — Дай человеку наше мнение высказать.

И Минай Шмырев высказал это общее мнение солдат:

— Не прислал снарядов царь. А почему? Потому что с генералами, с панами да буржуями пирует. А мы что, должны на это спокойно глядеть? Не можем, господин офицер, зло нас берет. Вот и выходит, что царь заставляет нас бунтовать. Значит, он и есть самый главный бунтовщик. Немец-то воюет. У него и снаряды, и харч добрый, и сапоги целые. А у меня сапоги каши просят. А где каша-то? Нет каши. Ничего у нас нет. Об этом тут и написано,— показал на листовку.— Почитайте, господин офицер. Может, просветление на вас найдет...

Не дослушав артиллериста, разъяренный офицер выскочил из окопа.

— Ну, теперь жди беды,— заметил верзила.— Не прости нам эта гадина. Судить нас будут.

— За что? Это мы должны их судить и наказывать! — решительно произнес Минай.

Начальство и в самом деле решило арестовать и предать суду бунтовщиков-артиллеристов. Да было уже поздно: взбунтовались на многих батареях, солдаты в пехотных частях. Арестовали своих командиров.

А вскоре сбросили с трона царя. Минай Шмырев штык в землю и пошел со своими товарищами к немецким окопам — брататься с теми, по ком еще недавно стрелял из своего орудия.

— Рус, давай мириться...

— Рус, долой войну!

Навстречу русским шли немецкие солдаты. Это были в большинстве своем крестьяне, рабочие. И Минай Филиппович душою чуял, умом понимал, что с этими людьми у него общие интересы. И не они, эти

простые люди, виноваты в том, что на земле полыхает война.

События в стране разворачивались стремительно. Царя свергли рабочие и солдаты, а власть захватила буржуазия. С этим нельзя было мириться, власть надо было передать законным хозяевам страны — рабочим и крестьянам. Об этом Минай Шмырев говорил и на солдатских митингах, и с трибуны съезда представителей солдатских депутатов 4-й армии. Закалила война, окрылила революция солдата Минай Шмырева. В те бурные, незабываемые дни он вступил в партию большевиков. А когда Ленин бросил клич: «Социалистическое Отечество в опасности!», Минай Филиппович добровольцем пошел на фронт. Трудными фронтовыми дорогами пришел он к своей заветной мечте, которая связывалась у него с тем куском земли, что должны были отрезать на его долю от угодий Родзянки, с тем домиком, лес на который он уже заготовил, с садиком, который он непременно посадит на своей земле, возле своего домика. И, конечно, с красным флагом над зданием сельсовета в его родной деревне. За все это не щадя жизни воевал артиллерист, боец ленинской гвардии Минай Филиппович Шмырев.

...По лесным тропкам идет он, к шорохам прислушивается, к голосу жалейки.

Может, рассказывает она о том, как вернулся он с фронта в родную деревню Пунище, как стал работать заведующим земельным отделом Суражского волостного исполкома...

Дорвались люди до мирного труда, а им мешали, не давали развернуться банды «зеленых», «белых»,

головорезы атамана Балаховича. И милиция, и отряды Красной Армии за ними гоняются, но всех выловить не удастся.

Совсем обнаглели бандиты! Стреляют в советских работников, убивают активистов. Замахиваются на Советскую власть на Витебщине. Решено было создать такой отряд, который смог бы перехитрить бандитов и захватить их атаманов. Но кто возглавит этот отряд?

— Дайте мне, товарищи, десятка два крепких, боевых хлопцев и оружие. Переловлю всех бандитских главарей,— предложил Минай Шмырев.

— Переловишь? С двумя десятками людей?

— Переловлю!— решительно заявил Минай.— Мне больших отрядов не надо. Много людей — много шума. А это мешает. Их надо тихонько, хитро брать. Топотом копыт и лязганьем затворов бандитов не испугаешь. У них тоже есть оружие...

— Все это верно,— согласились с ним.— И все же как ты с двадцатью бойцами справишься? Ведь перебьют вас, передошут, как котят.

Минай слушал, лукаво улыбался.

— За бойцов отвечаю головой,— сказал.— Все до одного живыми вернутся. Только просьба у меня: выдайте каждому крестьянскую одежду, дайте топоры и пилы, косы и грабли...

— И это все?

— Нет, не все. Еще дайте ящики для плотницкого инструмента, для шорного дела. Мы в эти ящики положим гранаты и кинжалы.

— Все?

— Нет, не все. Дайте один пулемет и подводу. На подводе повезем харч, а под сено спрячем пулемет.

— Теперь-то все?

— Теперь, кажется, все. Впрочем, дайте еще спирту, да побольше.

— А зачем?

— Бандитских атаманов угощать...

Хитроумный замысел Миная Шмырева поняли, оценили его самобытную тактику. Все, что он просил, ему дали.

И поехали, пошли плотники, столяры, шорники по деревням Суражской волости тесать бревна и строгать доски для хат, ремонтировать сбрую, пошли косцы наниматься к богатым хозяевам. А так как начался сенокос, богатеи охотно нанимали косцов. И остальным работы хватало. Разошлись по хуторам за хозяйский харч, за мизерную плату спины гнуть. Рады богатеи хуторяне.

А через несколько дней под вечер остановил Минай Филиппович свою телегу возле глухого хутора на опушке леса. Подозрительным показался ему этот хутор. За тесовыми воротами, за крепкой бревенчатой стеной не видно было ни хаты, ни хозяйственных построек. Тихо, как в могиле. Стоял, глядел Минай и думал: «Вот уж и впрямь волчье логово!» Так и называли этот хутор хлопцы, которые накануне побывали здесь. Скрипнули ворота, и из логова показался хуторянин. Чернобородый, плечистый, с двойным подбородком. Стоит, разглядывает Миная, его возницу, пару сытых лошадей. На Минае одежда крестьянская, но добротная. На ногах новые юфтевые сапоги, рубашка сатиновая. А возница в поскони, лапотник.

— Откель, человек? — спрашивает у Миная взлохмаченный, звероватый хуторянин.

— Отсель не видать, — отвечает Минай. — За Щелбовскими лесами мой хутор.

— Хуторянин?

— А то ж, хуторянин. Вот с батраком еду. Притомились, задержались в дороге. Нам бы переночевать, коней накормить, самим бы подкрепиться. Может, примете?

— Проезжих не пускаю.

— Что так? Ведро воды коню жалко? Да я же за то ведро заплачу. Будешь в наших краях — ночуй, живи у меня на хуторе. Гора с горой не сходятся, а человек с человеком... — уговаривал Минай. Но хуторянин был не из тех, кто быстро сходится с незнакомыми людьми.

— А куда едешь-то?

— Длинная еще дорога, — отвечает Минай. — В Ви-тебск еду. Там, говорят, соли можно достать. Один знакомый поможет мне гвоздей и этой самой соли купить. — Видит Минай: ожил этот замшелый валун, заблестели глаза у хуторянина. — А тебе нужны соль и гвозди?

— Нужны.

— Вот и по рукам! Буду ехать назад, отсыплю соли, гвоздей дам. Слов на ветер не бросаю. Мы же хуторяне, хозяева.

Заскрипели, отворились тяжелые ворота, через которые телега Минай въехала во двор.

Распрягли лошадей Минай с батраком, напоили их и поставили у коновязи, а сами в хату. В просторной и пустой хате вдоль стен стояли широкие, тяжелые скамьи, в красном углу висели потемневшие и потрескавшиеся от времени иконы с изображением каких-то святых, таких же бородатых, как и сам хозяин. В том же красном углу — длинный, под льняной скатертью, стол, а на столе — прикрытый рушником каравай хлеба. С другой половины, из-за ши-

рокой темной двери, слабо доносились голоса. Минай стал прислушиваться. Заметив это, хуторянин сказал:

— Там хлопцы мои. У меня много сыновей. Все сыновей да сыновей рожала моя Агапа.— И, приоткрыв еще одну дверь в своей заезжей, крикнул: — Агапа!

Вошла сухонькая, сморщенная, преклонных лет женщина.

— Надо накормить человека,— кивнул на Миная хозяин, как бы не замечая Минаева «батрака». — Едет в Витебск за солью и нам привезет соли.

— Это правда? Привези, милый. В ноги тебе поклонюсь.— И, загремев заслонкой, полезла в печь ухватом.— Вот, теплый еще чугунок. Не остыла бульба,— поставила горшок на стол.— Ешь, добрый человек...

— Благодарствую, хозяйюшка. Проголодались. Поужинаем.— И Минай подмигнул своему «батраку». Тот понял «хозяина» и выбежал из хаты. Принес торбу с харчами и бутылку спирта.

Стали ужинать. Сел за стол и бородатый хозяин. Глотнув чарку-другую, он разговорился:

— А как звать тебя? Меня Парфеном зовут. А тебя?

— А меня зови Никитой. Никита Апанасович. Мой батька тот хутор строил. Помер старый. Крепкое хозяйство мне оставил, а эти Советы...— Минай Филиппович махнул рукой, опустил голову.

— Не горюй, Никита,— стал утешать его Парфен.— Ты — человек. Я сразу увидел — человек. Хозяин! Кони — цыганам на зависть! Давай меняться. Я тебе — мышастого, а ты мне — черного. Будет у меня три черных ворона!

— Посмотрим, подумаем, Парфен,— с добродушной лукавинкой улыбнулся Минай Филиппович, а про себя думал: «Сам ты черный хищный ворон!» А хозяин, опрокинув очередную чарку спирта, зло взглянул на «батрака» и черным, как обгорелый сук, пальцем указал ему на дверь:

— Иди, милоч! Чего тут сидеть? Иди к лошадям!..

И когда «батрак» вышел, Парфен выпил еще одну чарку и разоткровенничался:

— Не тужи, Никита! Ты — хуторянин, я — хуторянин! Голытьбе не отдадим хуторов! Удержимся! А советчиков перебьем, перевешаем! Сила у нас, Никита!

— У них силы поболе,— вздохнул Минай.— А у нас маловато...

— Много, Никита, еще как много. Сотни людей! И все как на подбор...

Услыхав болтовню опьяневшего Парфена, с другой половины в горницу вошли его сыновья — сначала один, потом второй, а немного погодя — третий и четвертый. И все какие-то хмурые, выцветшие, обросшие.

— Нализался? — зверем глянул на Парфена бородатый, как и он, сынок.— Придержи язык. Понял?

— А что такое? — сразу обмяк Парфен.— Свой человек. Хуторянин. Соли нам привезет. Давно соли...

— Соли! — перебил старика сын.— А ты документы у этого хуторянина проверил?

— А что там проверять? Вот они, его документы,— показал в окно на лошадей, на телегу.— Если человек ездит на таких конях,— это не босяк, а человек.

Должно быть, этот довод убедил и сыновей. При-
тихли они, стали поглядывать на чарки, шкварки,
на недопитую бутылку спирта.

— Садитесь, хлопцы, угощайтесь,— предложил
Минай.

— А чего там, садитесь, сыны!

— Чего, чего! — передразнил его мрачный боро-
дач.— Сам все вылакал...

Шмырев вышел и вернулся еще с тремя бутыл-
ками спирта.

— Вез на соль менять, да мне добрый приятель
устроит мешок-другой и без этого. С вами посижу,
хлопцы, отведу душу.

— А что, наболело?

— Он еще спрашивает! — махнул рукою Минай,
поглядев в глаза старшему из сыновей.— Наболело,
браток, еще как наболело. Крепко нас, хозяев, стали
прижимать... Дожили! Соли, и той нету!..

— Свой человек,— поднял оловянные глаза
Парфен.— Я ему сразу поверил.

Поверили и сыновья «своему человеку». Потяну-
лись чокаться, обниматься, а он вдруг уронил голо-
ву на стол и захрапел. Сыновья еще долго пили, а
опьянев, заспорили, кому из них, идти на какую-то
Барсучью гряду, чтобы передать братве, что завтра
в полночь на хуторе будет самый главный и что он
хочет поговорить со всеми хлопцами...

«Эге,— подумал Минай,— вот что за «сыновья»
у этого ворона! Бандиты! Ну, приводите своего мате-
рого волка. Не выпущу вас из этого логова!»

Чуть свет, когда «сыновья» еще отсыпались, Ми-
най велел своему «батраку» запрягать.

— А чайку не хочешь, человек? — словно из-под
земли вырос Парфен.— Или молочка?..

— А-а! Доброе утро, Парфен! — шагнул ему навстречу Минай. — Спасибо за гостеприимство. Поеду по холодку. Бывай, Парфен. Жди. Заеду.

— Жду, жду. И тебя и соль жду.

— Будет соль, Парфен!

«Насолю я вам, подлюги, — выезжая за ворота, думал Минай. — Такую кашу заварю, что не расхлебаете и подавитесь ею».

Дорога повела в густой, темный ельник. Порядочно отъехав от хутора, свернули на узенькую дорожку и вскоре добрались до того глухого местечка, где вчера в малиннике спрятал Минай Филиппович пулемет и ящики с гранатами. Распрягли лошадей. К вечеру сюда должны были прийти «косцы», «плотники», «шорники». В назначенное время все они были на месте.

— Садитесь, хлопцы, ужинать будем, — и Минай Филиппович стал развязывать мешок с харчами. — Рассказывайте, что делается на ваших хуторах. Какие новости?

— Новости хорошие, Минай Филиппович. Напали мы на следы бандитских атаманов, — доложил один из «косцов». — Надо устроить облаву.

— Устроим, хлопцы. А сегодня обложим волков в их логове за этим вот ельником. В полночь там соберется вся стая, прибудет самый матерый волк, вожак этой бандитской шайки.

И Минай Филиппович рассказал своим бойцам обо всем, что видел и слышал на хуторе. Обсудили план действий и уже в темноте двинулись в путь.

Было за полночь, когда Минай негромко постучался в ворота.

— Кто там? — тотчас послышался приглушенный, встревоженный голос Парфена.

— Это я, Парфен. Никита.

— Никита? А чего ж ты вернулся?

— Ось сломалась, будь она неладна. Может, у тебя, Парфен, запасная найдется?..

Отворилась узенькая калитка, и как только Парфен вышел со двора, дюжие хлопцы навалились на него, заткнули какой-то тряпкой рот, связали и положили на подводу.

В обеих половинах хаты горели подвешенные к потолку лампы. Стояла лампа и на столе, за которым сидели, видно, главари шаек. Заглянув со двора в окна, Минай Филиппович прикинул: «Добрых полсотни лесных разбойников, а у меня всего два десятка людей. Всех бандитов живыми не взять. Будут отстреливаться, прольется кровь моих людей. А они и так уже много пролили ее: режут, вешают бандиты коммунистов, комсомольцев без всякой жалости. Так чего ж их жалеть?»

Приняв решение, Минай Филиппович приказал:

— За дело, хлопцы! Выбивайте прикладами окна, пускайте в ход гранаты!

Зазвенели стекла, полетели в окна гранаты. Операция была проведена быстро и без потерь в боевой дружине Минай. Уцелевших бандитов и одного из атаманов связали и тоже бросили на подводу, которая тут же углубилась в ельник...

— Узнают бандиты на других хуторах про наш налет — бросят свои обжитые норы, уйдут, а там ищи-свищи, — говорил своим хлопцам Минай. — Надо опередить бандитов.

— Надо, Минай Филиппович! — поддержал его «косец», который разведдал про второе бандитское гнездо. — Отклад не идет на лад. Пошли! Я покажу дорогу к бандитским норам.

— Веди, показывай! Надо кончать с бандитами!
— Верно, надо, пока не разбежались по лесам и болотам,— согласились другие бойцы.

Ко второму хутору Минаева дружина подошла на исходе ночи, когда еще жаворонок не взлетел над межой, когда густой туман еще окутывал бандитское логово. И тут высокие ворота были на запоре. Послышались шаги за воротами, по двору кто-то ходил. «Косец» нажал на щеколду калитки. Шаги приблизились.

— Кто там?

— Не бойся, Сымон. Свой.

— Косец-удалец, кот блудливый. Опять к Марыльке на сеновал лазил!

— Лазил! А тебя не пускает?

— Проходи, Демьян, проходи...

И Сымон распахнул калитку. Демьян мгновенно набросил ему на голову свою свитку. Дальше все шло как по писаному: заткнули часовому рот, связали и положили в лопухи под забором.

Бандиты спокойно спали в гумне на сене и просто на полу в сарае. Вожака волчьей стаи взяли в хате, прямо в постели, без шума, повязали и тех, что спали в сарае. В гумне бандитов оказалось много. Сдаться они отказались. Открыли стрельбу по нашим. Пришлось «попотеть» пулемету, в ход пошли гранаты.

До первого снега уцелели лишь те банды на Суражчине, которые в то лето не прятались по хуторам, а держались в лесах. Но по следам на снегу добрались Минаевы хлопцы и до этих недобитков. Благодаря изобретательной тактике Миная Филипповича Шмырева были уничтожены банды и «белых», и «зеленых», и балаховцы...

Советское правительство высоко оценило мужество и храбрость Миная Шмырева — он был награжден орденом Красного Знамени...

Лесными тропками идет человек, вслушивается в шорохи листьев и трав, в тихий голос жалейки.

О чем же еще поет жалейка?

Может, вещает о том, как сквозь вихри гражданской войны, сквозь трудности первых пятилеток с честью пронесли наши люди ленинский стяг, как вставали и росли под этим стягом новые города и села, росло и множилось наше счастье... В зеленом убранстве садов стояла родная Пудоть. В буйной красе была окрестная природа, в полной силе была обновленная земля. И вдруг на тихий шорох трав и листвы, на солнечный день обрушились вражеские бомбы. Дохнул огнем и дымом июнь сорок первого года. Покатилась по нашей земле черная напасть. Горели города и деревни. Трубили победу чужие трубы. Захлебывался от радости немецкий диктор. Устало, тревожно звучал голос нашего диктора: «Оставлены Гродно... Минск... Орша... Витебск...»

Оставили... Не удержали...

«Что делать? Как помочь Родине в трудную годину?» — думал Минай. А был это уже не тот Минай, что лихо гонялся за бандитами. Но и в шорохе трав и недоспелых колосьев слышалось ему тревожное: «Что будет? Что будет?»

Припомнились Минаю Филипповичу былые походы, партизанские шалаши времен гражданской войны. И не сиделось ему дома. Тревожными вечерами, темными ночами ходил он от деревни к деревне, заходил в дворы, в хаты.

— Люди, горят наши села, города горят. Краснеет небо от пожаров. Как же мы дали в обиду нашу землю? Чего мы ждем, сидя в хатах? Партия коммунистов зовет нас на борьбу. Надо бить лютого врага!

— А как бить, чем, Минай Филиппович?

— Гневом нашим бить, ненавистью нашей жечь, в гнилых болотах топить! — отвечал Минай и, обводя собеседников взглядом, еще и еще раз убеждался, что людям можно довериться. — В лес надо идти. Теперь лес — наш верный союзник. Каждая тропинка уведет нас от беды, а чужака в болото заведет; каждый куст нас укроет, а во врага стрелять будет; каждое дерево нас от вражьей пули заслонит, а врагу попереk дороги ляжет, а то еще и придавит его, проклятого... Или я неправду говорю?

— Правду говоришь! Верим! Мы с тобой, Минай Филиппович! — подались к нему старые товарищи, партизанившие с Минаем в годы гражданской войны.

— И мы с вами, дядька Минай! Принимайте и нас, — слышались голоса хлопцев и девчат, которые хорошо знали и любили Миная Шмырева.

— Иди, папа! Иди, родненький! — говорила дочь Лиза, пионерка.

— Мы дома сами управимся. Я пригляжу за младшими.

А младшие — это десятилетний Сережа, семилетняя Зина и Миша, которому не было еще и трех лет. Мать их умерла в 1940 году. На старшую — Лизу, на сестру Ганну оставлял Минай ребят. Трудно было расставаться с ними, грустью и тревогой наполнилось сердце. А маленький Мишка был весел, беззаботно прыгал на одной ножке вокруг отца и просил:

— Папа, ты идешь в лес? Поймай мне там медвежонка. Принеси мне маленького-маленького мишку. Ладно?

— Ладно, сынок. Принесу.

— Ага! — ликовал малыш. — Папа принесет! Будут у нас два Мишки...

Разве мог подумать тогда Минай, что в последний раз гладит вихрастую головку своего пестуна, что в последний раз видит своих дочурок, свою сестру Ганну!..

И Минай Филиппович покинул родную Пудоть, ушел с друзьями в еловую глухомань, чтобы вырыть там землянки и из лесу громить врага.

Тихо, сумеречно в лесу, и только далеким эхом доносится до старого партизана голос дочери: «Иди, папа! Иди, родненький, бить фашистов!» Слова эти стали для него суровым, святым наказом не только семьи, но и родной деревни, и милой сердцу Витебщины, и всей Родины, наказом партии коммунистов.

Давно заросли травой стежки-дорожки, протоптанные партизанами в белорусских борах и дубравах. Над братскими могилами белоствольные березки, ладные уже сосенки шумят. Идет Минай Филиппович и словно бы слышит в том шуме голоса детей своих, голоса верных боевых товарищей своих: «Любили мы нашу Отчизну. И передаем тебе, как эстафету, любовь к ней... Ясные глаза у нас были. Гляди и нашими глазами в завтрашний день, до которого мы не дожили...»

А тропинка луговая уже вела Миная к тому ручью, к тому заросшему кустами яру, где лежали в земле его дети. В голубом небе звенели песни жа-

воронков, весело журчал ручей, пробиваясь меж трав и кустов.

Убиты, убиты, убиты...
Уже не видать дорогим,
Как солнце стремится к зениту,
Как катятся волны по житу,
Как плачут березы... По ним...

Белые березки, кусты черемухи стерегут их покой. Подходит отец к березам, трогает рукою листочки...

— Детки мои горькие... Сердца ваши пробили сырую землю. Руки ваши веточками зелеными тянутся к небу, к солнцу...

Я слышал глуховатый, скорбный голос Миная и не мог совладать с собою. Слезы душили меня, а в глазах у Миная ни слезинки, только еще теснее сошлись над переносьем его хмурые брови, только лицо его как-то поблекло, посерело, только в голосе его была дрожь, когда он, поглаживая листья березки, говорил:

— Выплакался уже я...— Теперь моими слезами плачут эти березки...

Гляжу — и впрямь: крупные капли росы, скатываясь с листа на лист, падают на влажную землю... Плачут березки...

— Пойдем отсюда, батька,— деликатно берет Миная под руку Данила Райцев.— Садитесь в машину, батька. Поедем в мою кузницу...

И повез нас Данила Федотович туда, где в войну был штаб его партизанского отряда, где в черной, прокопченной кузнице ковали партизаны победу над врагом.

Но кузницы уже не было. Стояла тишина. Не мычали коровы, не горланили петухи, не висели на вет-

как деревьев рубахи и платья, не плакали дети в шалашах и землянках. Да и медноствольный бор был уже не тот, поредел: подкосила, железом прошлась по нему война. Только молодой подлесок — орешник, липки да березки, елочки да сосенки разбушевались, переплелись ветвями, тянутся вверх.

Поседели, постарели, но не сдаются — все так же молоды душою, светлы сердцем мои давние добрые друзья, боевые товарищи Данила Райцев, Михаил Бирюлин, Ричард Шкредо, уважаемый всеми батька Минай... Мы сидели у костра, над которым кипел котелок — варилась уха. Это Данила Райцев наловил рыбки, и по лесу разносился аппетитный запах разваренных с перцем и лавровым листом окуньков и пескариков.

— Даниле дай топор да щепотку соли, и он такой генеральский обед закатит! — шутил Минай.

— А как же! Ведь не для кого-нибудь — для генерала стараюсь, — отшутился Данила. — Вы и есть наш партизанский генерал, батька.

Заросли партизанские тропинки, но никогда не зарастает та, что ведет нас в Пудоть, где в окружении берез и сосенок на песчаном холме высится обелиск. На нем высечены имена партизан и партизанок — бессмертных героев Великой Отечественной войны.

С болью вспоминается тот героический и скорбный день, когда командир партизанского отряда Рыгор Курмелев, перекосив пулеметным огнем вражеский гарнизон, сам упал на ратном поле.

Память ведет туда, к той лесной деревушке Плоты, где смертью героя пал в бою с врагами Михаил Сильницкий — синеглазый юноша, которого в отряде Райцева любили все. И поныне те, кто знал его, хранят в сердцах своих память о юном герое.

...Школьники, учителя, жители Пудоти и окрестных колхозов, бывшие партизаны, партизанки пришли к памятнику-обелиску, принесли первые весенние цветы. В то солнечное утро в Пудоти начинался праздник весны.

Негромким хрипловатым голосом говорил батька Минай о том, что у него на душе, говорил от имени живых:

— Друзья мои, товарищи боевые... Сквозь пламя войны прошел я с вами... С честью сложили вы головы на ратном поле, не дожили до нашей победы... Не подняться вам, не увидеть это небо, эти цветы... Вы слышите меня, товарищи мои дорогие?.. Прислушайтесь: ваши сердца бьются в моем сердце, вашими глазами гляжу я на белый свет, на радостную явь, о которой мы вместе мечтали...

А потом Минай долго стоял молча, слушая девочку-пионерку, которая веселым звонким голосом читала:

Утро доброе, край знаменитый,
Я тебя в свое сердце беру.
Соловьиною песней овиты
Твои нивы, леса, Беларусь...

Праздник весны вывел на улицы Пудоти хороводы парней и девчат, вывел гармони и цимбалы, вывел партизанскую лесную песню:

Ой, бярозы ды сосны —
Партызанскія сёстры,
Ой, шумлівы ты лес малады,
Толькі сэрцам пачую
Тваю песню лясную —
Дык успомню былыя гады...

И катилась эта задушевная, негромкая песня по улицам и садам Пудоти, катилась по молодому житю,

по сочным травам за околицей. Ее подхватывали березники и сосняки, подхватывали партизанские боры и дубравы.

Праздник весны вывел на улицы торжественным шествием и хозяев земли, и золотой дар ее — хлеб-соль. Поднесли этот дар — каравай — батьке Минаю. Губами притронулся он к караваю, на руках поднял его над головой золотым солнцем. И почувствовался слегка, обьятый радостным волнением.

— Земля советская, спасибо тебе за дары щедрые!.. Друзья, посмотрите, как весна катится к расцвету лета. Под листьями в садах яблоки, груши соками наливаются. На лугах травы в цвету, а в поле скоро зацветет, закрасуется жито. Как же не радоваться всему живому!..

Так говорил он в окружении дорогих ему людей, веселых, радостных детишек, и сам молодел душою.

Вечерело. Постепенно умолкали голоса гармоней, скрипок, цимбал. А за росистым березником на зеленой лужайке все еще слышались переливы жалейки.

И почувствовал в этот вечерний час Минай, что уловил он, понял голос жалейки. О самом светлом в жизни людей, об их извечной мечте ведет она свой мотив. И Минай уже различал слова: «Слушайте, сады и леса! Слушайте, цветы и травы! Слушай, земля! Слушайте, люди! Железом била, огнем палила вас война. Тоской сушила, горем душила вас война. А вы все же выдержали, выстояли, выжили, победили, обрели свое счастье!»

И еще были в песне жалейки слова, которых Минай, человек скромный, не мог слышать: «Плечом к плечу шли с тобой, батька Минай, Правда, Вера, Мужество. При жизни ты стал легендой, героический человек!»

Сад

Когда за лесами и реками, за рубежами нашей Отчизны уже отгремела, отлютовала война, когда стала залечивать раны земля, посадил на этой израненной земле в своем огороде Минай Филиппович маленькие, тоненькие яблоньки, груши, сливы и вишни. Своими руками посадил, сам ухаживал за ними. Как родных детей, пестовал деревца. Сад подрастал. Бывало, зацветет весною — словами не передать красоты.

В розовой и белой кипени сад. А в этом саду, как рисунок из школьного учебника, стоит новый, светлый, под цвет неба, уютный домик. Здесь живут Минай, его приемный сын с женой и их сын — внук Миная. Внук еще мал, не понимает, конечно, что держит его на руках не просто дед, а известный заслуженный человек. Он, малыш, не понимает и того чувства, которое испытывает дед, когда на революционные праздники или в иные торжественные дни надевает свой темно-синий пиджак со Звездой Героя Советского Союза, с тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени, с боевыми медалями. Откуда ему, малышу, знать, какой ценой достались деду эти награды, какой кровью они оплачены. Ничего не знает мальчонка.

Зато все это хорошо знают земляки и соседи, знает Витебщина, знают республика и вся Родина, которую он защищал, отстаивал от врага с оружием в руках.

И когда Минай Шмырев проходит по улицам Витебска, многие кланяются ему, каждый рад перекинуться словом с этим скромным, доброжелательным и мудрым человеком.

После войны Минай Филиппович работал заместителем председателя Витебского облисполкома и на других ответственных постах. Не раз избирался депутатом Верховного Совета Белорусской республики, членом Витебского обкома партии. Достоин неслучайно нес он нелегкую ношу. Но годы и война дали себя знать батьке Минаю, слегка пригорбили немолодую спину, сказались на ногах, которые измерили столько дорог...

Минай Филиппович был уже на заслуженном отдыхе, когда из Минска приехали к нему работники документальной киностудии. На машине, со всей положенной техникой. Вышел Минай на крыльцо, спрашивает:

— А зачем вы, хлопцы, эту машинерию привезли?

— Хотим про вас, батька Минай, кинокартину сделать,— отвечает режиссер.— Документальный фильм.

— Еще чего! — нахмурился Минай.— Ну и придумают же. С какой стати я в ту картину полезу? Не полезу!

— Почему, Минай Филиппович? — забеспокоился режиссер.— Надо же вас показать народу. Широким массам надо показать ваш образ.

— Вот уж нашел образ,— усмехается Минай.—

Старый, седой, сгорбленный... Показывайте молодых, здоровых, красивых. А я что?..

В это время вошли во двор Данила Райцев и Ричард Шкредо.

— Выручайте, в картину меня волокут,— не то в шутку, не то серьезно пожаловался друзьям Минай.— И к режиссеру: — Вот их, молодых орлов, снимай. Это будет образ!

— Тут дело такое: надо вас, батька,— начал Данила,— надо о вас людям рассказать. Показать, как вы воевали.

— Да брось ты, Данила! — рассердился Минай.— Показать, показать! Люди сами знают, что и как было...

И режиссер и кинооператор стояли в растерянности.

— Надо поехать, батька,— вмешался в разговор бывший комиссар минаевской бригады Ричард Шкредо.— Надо побывать с товарищами в памятных местах, на ратном партизанском поле.

— И ты с ними заодно, Ричард? Никуда я не поеду, никуда не пойду. Ноги у меня больные. Ревматизм заел...

Это была правда. Давно с палкой ходил Минай, совсем сдали у него ноги.

Тут уже почти взмолился режиссер:

— Батька Минай, миленький, выручайте! У нас уже сценарий готов. Он стоит в плане. Наш общий партийный долг сделать этот документальный фильм. Поймите, батька Минай...

— «Поймите»,— уже сговорчивей улыбнулся Минай, расправил сутулые плечи.— Понял: партийный долг. Никогда от партийных обязанностей не уклонялся. Надо — стало быть, надо.

— Так поедем, батька? — облегченно вздохнул режиссер.

— Вот пообедаем и поедем...

И у него сразу будто прибыло сил, энергии. Он, человек старый, с больными ногами и множеством других недугов, готов был и теперь выполнить наказ родной партии, готов был отправиться в нелегкий путь по лесам, по полям минувшей войны.

Окинув взглядом стол, на котором стояли масло, творог, сметана, жареная колбаса, кувшин с душистой медовухой, собственного изготовления, Минай Филиппович сказал:

— Чего-то еще тут не хватает, хлопцы. Не полный букет.

— Не полный — дополним! — Данила Федотович достал из кармана бутылку вина и поставил ее на стол. — Теперь полный?

— Нет, не полный, — покачал головой Минай Филиппович. — Идите-ка, хлопцы, да зачерпните из моего прудка...

Гляжу на него: «Дурачит нас старый. Что там зачерпнешь, в той зеленой, заросшей ряской луже?» А Данила и Ричард (это они — хлопцы!) тотчас поняли батьку Миная. Взяли сачок и пошли к прудку. Зачерпнули и принесли полное ведро золотистых живых карасиков.

— Своего выкорма, — с гордостью говорил Минай. — Сыпанул их туда пригоршню, а теперь черпай, черпай — не вычерпаешь. Вот и выходит — золотой пруд.

И мне в который раз припомнилась та черная кузница в лесу, где Минай Филиппович крыл на чем свет глушителя рыбы. Хороший, толковый хозяин батька Минай!..

После обеда поехали к лесной речке Туровке, где минаевцы уничтожили отряд вражеской кавалерии. Затем — по деревням и селам, где в первые дни войны Минай Филиппович ходил от хаты к хате, звал людей на борьбу, закладывал основы партизанской бригады.

Радостно встречали своего комбрига бывшие партизаны и партизанки, каждый тянул к себе в хату, где уже заранее был накрыт стол. Минай многих помнил в лицо, знал по имени.

Увидев седого, белоусого, маленького, ссохшегося, как сморчок, старика, Минай Филиппович долго смотрел на него, качал головой:

— Михал?

— Михал, братка, Михал... Что, не узнать Михала? Постарел, братка, Михал, ничего не осталось от Михала.

— Постарел, это верно. С трудом узнал тебя, — согласился Минай. — И что ж это стряслось с тобой? Может, хворь какая?

— Хвораю, братка, крепко хвораю. Желудок ни к черту. Не варит.

— А барсука есть не пробовал?

— Не, не пробовал, братка.

— Съешь, Михал, барсука.

— Так его ж сперва поймать надо...

— Ладно, барсука мы тебе добудем. Есть у нас отменный охотник. Данила! — подозвал Минай Райцева. — Данила, убил бы ты барсука. Михала надо спасти. Видал как высох? Выручать надо человека.

— Попробуем, батька. Барсука добуду, — пообещал Данила.

И опять нельзя было не восхищаться батькой Минаем: сам еле ходит, душит его кашель, дышит с

трудом, а вот заботится об этом ветхом больном человеке. Меня вообще удивляло, что батька Минай, как настоящий народный лекарь, знал много целебных трав, цветов, лесных ягод, которые, как он говорил, спасают людей от всякой хвори. Спасали они и его в сырых окопах на фронте, в холодных партизанских землянках и шалашах.

Спасали... Но не могли уже его спасти ни целебные травы, ни самые лучшие врачи. Догорело пламенное сердце. В сентябре 1964 года после продолжительной болезни скончался Минай Филиппович Шмырев.

Гляжу, чернеют уже проталины на буграх, словно там опустились стайки черных грачей. В борозды и канавы, в ручейки и реки сползает рыхлый серый снег, будто хочет избежать встречи с колесами тракторов, сеялок, которые вот-вот выйдут в поле. Под сосновой корой заходила нагретая смола, под корой белых берез уже бродят весенние соки. Скоро скворцы начнут войну с нахальными, бойкими воробьями за свои обжитые скворешни. На первые цветы, на белую черемуху сядет золотая пчела. Это — весна.

Не увидит, не встретит ее, не порадует ее ее батька Минай. Над могилой прославленного партизанского комбрига скоро раздадутся песни жаворонков, голоса родной земли. А кажется, совсем недавно встречали мы с ним в Пудоти праздник весны, встречали девятнадцатую весну нашей Победы...

Смотрю на памятник-obelisk в Пудоти и вспоминаю героев, вижу их живые лица. И над их могилами небо, в котором и солнце, и жаворонки.

А березник шумит, дубрава с бором переключаются, катятся их голоса по земле, катится эхо

по зеленым, по первой траве: «Весна-красна на дворе!»

Весна в сердцах наших. Они, друзья и товарищи наши боевые, воины, партизаны и партизанки, отдавшие жизнь за эту весну, за долю ясную, живут в наших сердцах и будут жить вечно. Будет молодой весной одеваться в бело-розовую кипень сад, будет каждой веткой кланяться садовнику-чародею, человеку богатырского склада — батьке Минаю.

Бело-розовый сад, боры и дубравы будут хранить его добрую славу.

СОДЕРЖАНИЕ

Флаг над аркой	3
«Свадьба»	9
Кузница в лесу	16
Человек из дубравы	35
Полку Минаева прибыло	52
На мирной земле	67
О чем пела жалейка	73
Сад	96

Антон Петрович Белевич
У БАТЬКИ МИНЯ

Заведующий редакцией **А. И. Котеленец**
Редактор **Г. М. Игнаткович**
Младший редактор **А. С. Кочеткова**
Художественный редактор **Г. Ф. Семиреченко**
Технический редактор **О. М. Семенова**

ИБ № 1271

Сдано в набор 13. 04. 78

Подписано в печать 22. 06. 78. А00095.

Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Журнальная». Печать высокая. Условн. печ. л. 4,9.
Учетно-изд. л. 4,17. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 2743.
Цена 30 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Батька Минай

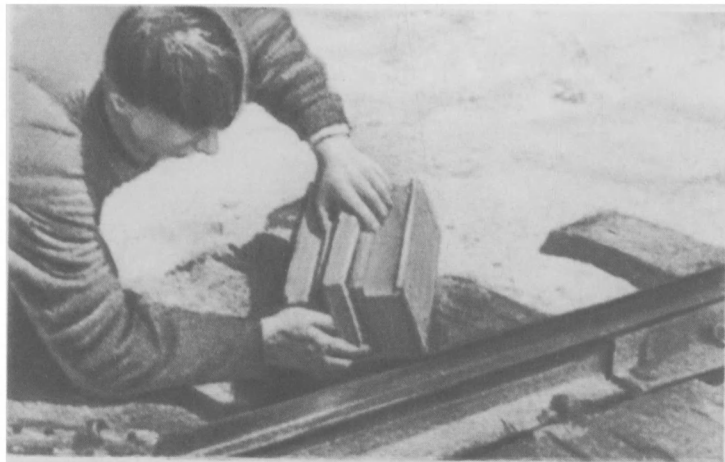
Связные пришли на встречу

Готовы к бою

«Подарок» врагу

Ричард Шкредо

Георгий Курмелев со своими бойцами

Перед отправкой на Большую землю

Партизанская хлебопекарня

Михаил Бирюлин

**У Д. Ф. Райцева сохранилась старая
партизанская карта**

Михаил Сильницкий
(довоенный снимок)

Группа партизан с батькой Минаем

Памятник-obelisk в Пудоти

Над речкой Усвячей

30 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1978